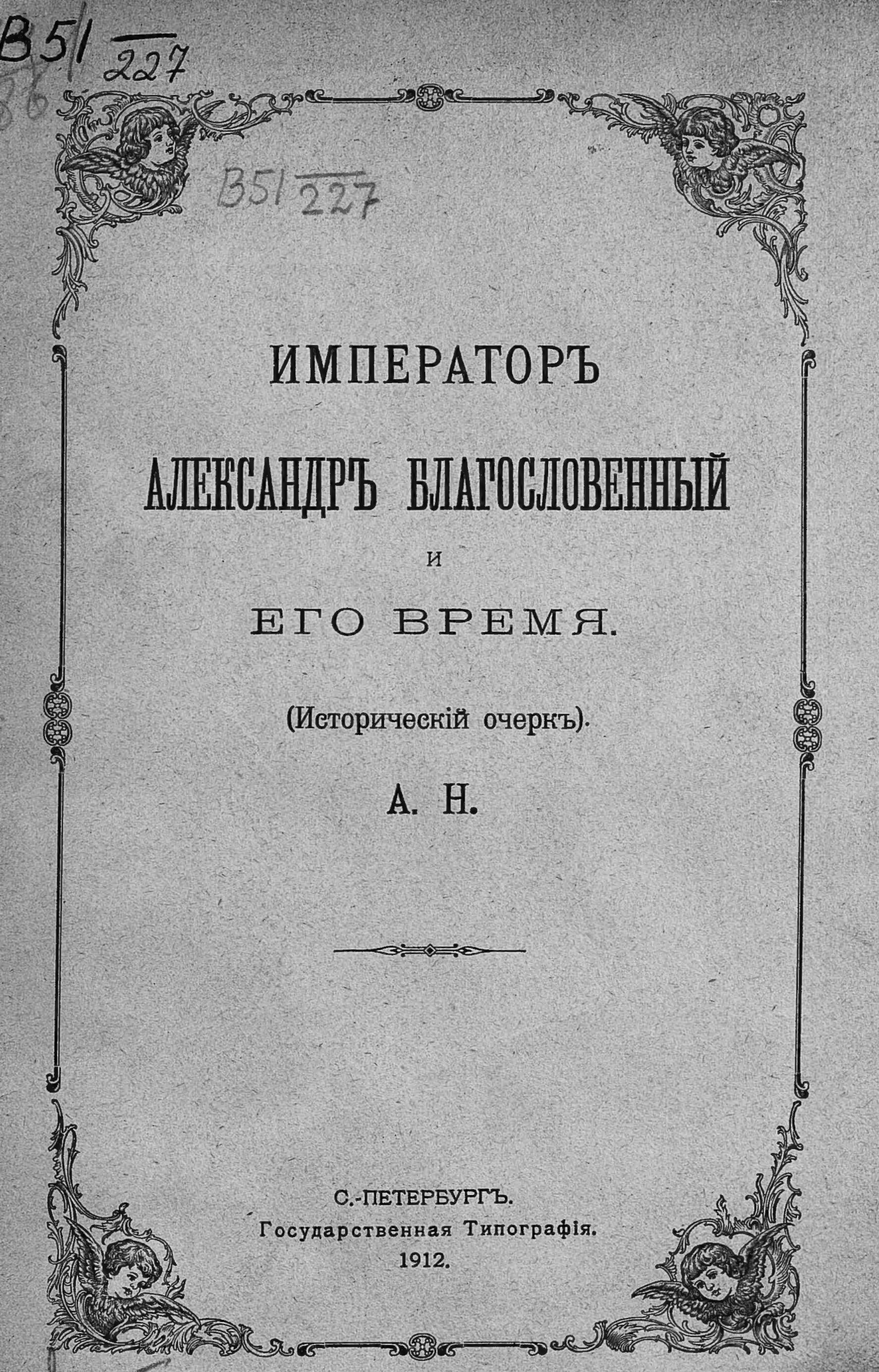

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Историческій очеркъ).

А. Н.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1912.

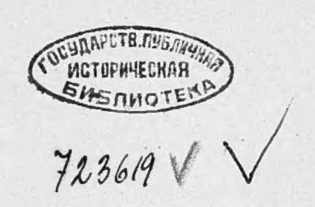
ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Историческій очеркъ).

А. Н.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1912.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
723619

Императоръ Александръ Благословенный и его время*).

(Краткій историческій очеркъ).

Личность Александра Благословеннаго, и какъ частнаго человѣка, и какъ вѣнценосца, представляется въ исторіи русскаго народа почти безпримѣрной... Много было доблестныхъ государей на престолѣ Русскаго царства, но такого государя, какъ Александръ—до Александра, ни одного. Если мы мысленно пройдемъ весь путь историческаго развитія русскаго народа, намъ много встрѣтится на этомъ пути личностей, которыя заслуживаютъ наименованія славныхъ и великихъ; многихъ мы увидимъ надѣленными не однимъ или двумя, а нѣсколькими и даже многими совершенствами,—умственными и нравственными; но ни одной, которая соединяла бы такую полноту совершенствъ съ такою суммою доблестныхъ и славныхъ дѣлъ, какъ Александръ; многіе стремились къ возвеличенію и славѣ своего отечества—но ни одинъ не достигъ осуществленія своихъ стремленій въ такой степени, какъ Александръ.

Александръ, какъ въ фокусѣ, соединялъ въ себѣ лучшія качества и славу многихъ изъ своихъ предшественниковъ: свѣтлый умъ Петра и Екатерины, добродушіе и сердечность Алексѣя Михайловича, самоотверженіе и храбрость Донскаго и Невскаго, религіозность и благочестіе Владиміра,—и въ то же время славою многихъ изъ нихъ превзошелъ. Того, о чемъ и Петръ

*) *Примѣчаніе.* Этотъ очеркъ былъ составленъ къ столѣтнему юбилею рожденія Государя Александра Благословеннаго и былъ напечатанъ въ Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1877 и 1878 г.г. Здѣсь онъ перепечатывается въ нѣсколько сокращенномъ и исправленномъ видѣ къ наступающему юбилею *1812 года.* Авторъ этого очерка былъ тогда преподавателемъ Рязанской духовной семинаріи.

не мечталъ, чего и Екатерина не добивалась, Александръ не только достигъ, но даже и съ излишкомъ... Петръ имѣлъ скромное желаніе—прорубить окно въ Европу, втолкнуть Россію въ семью Европейскихъ народовъ, вывесть ее изъ мрака къ свѣту,—и по возможности осуществилъ свое желаніе; Екатерина Великая стремилась сдѣлать Россію могущественной державой, хотѣла, чтобы голосъ Россіи, какъ члена европейской семьи, не былъ игнорируемъ въ Европѣ—и достигла этого. Но что дѣлаетъ Александръ, и при томъ при какихъ обстоятельствахъ?—Россія при немъ достигаетъ первенства въ ряду европейскихъ державъ, голосъ ея Монарха имѣетъ *рѣшающее* значеніе въ дѣлахъ Европы: всѣ преклоняются предъ ея Вѣнценосцемъ,—и не страха ради, а по чувству долга, преклоняются какъ предъ освободителемъ отъ тираніи, какъ предъ возстановителемъ царствъ и народовъ, и это въ то время, когда надъ Европой царилъ геній Наполеона, воскресившаго въ себѣ Александра Македонскаго, Аннибала и Юлія Цезаря,—этихъ трехъ величайшихъ полководцевъ и завоевателей въ мірѣ, когда вся Европа задыхалась отъ страха предъ Наполеономъ?—Когда Россія и прежде и послѣ достигала такой славы, такого могущества и такого величія?

Александръ 1-й былъ по преимуществу *человѣкъ*—въ высокомъ, многообъемлющемъ смыслѣ этого слова, а потомъ уже государь. Природа соединила въ немъ умъ обширный, сердце, исполненное великихъ побужденій, мысль пытливую, проницательную,—качества, которыя, при блестящемъ образованіи, данномъ ему бабкой Екатериной, сдѣлали его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей своего времени.—Александръ былъ, можно сказать, человѣкъ не отъ міра сего: онъ постоянно жилъ въ идеальномъ лучшемъ мірѣ, сердце его постоянно тосковало по этомъ лучшемъ мірѣ. И если способности увлекаться идеальнымъ, создавать себѣ идеалы, тосковать по чемъ-то лучшемъ,—служатъ признакомъ особенной мягкости и свѣжести души воспріимчивой и дѣвственной, если они выпадаютъ только на долю однихъ избранныхъ и возвышенныхъ личностей, находящихся подъ непосредственнымъ водительствомъ благодати Божіей, то въ этомъ отношеніи Александръ представляется одною изъ такихъ личностей: его сердце, какъ магнитная стрѣлка, постоянно влеклось къ доброму,

лучшему, высокому, къ Богу—источнику всякой благости.—Люди, у которыхъ не совершенно заглохли подобныя чувства, должны были, какъ къ магниту, притягиваться къ нему. Отсюда для насъ весьма понятнымъ становится то обаятельное влеченіе, которому подпадало все, что соприкасалось съ нимъ,—понятнымъ становится, почему люди, окружавшіе его, любили со страстнымъ увлеченіемъ.—Письма къ нему, напр., холоднаго естествоиспытателя Паррота, который, кажется, во всю жизнь свою не имѣлъ ни къ кому глубокой привязанности и никого не хвалилъ, дышатъ горячей привязанностью: «Если я могу васъ любить такъ, какъ люблю, писалъ онъ однажды, то какая же женщина противостоитъ Вашему сердцу». Въ позднѣйшую эпоху его царствованія одинъ изъ членовъ дипломатическаго корпуса, викондъ Ферже, писалъ о немъ: «Этотъ государь *честнѣйшій человѣкъ*—во всемъ обширномъ значеніи слова,—какого я когда либо зналъ; онъ, можетъ быть, часто поступаетъ дурно, но въ душѣ его постоянное стремленіе къ добру»—«справедливость требуетъ сказать, писалъ другой дипломатъ того времени,—англичанинъ,—что если *континентъ былъ проклятъ въ Бонапартѣ, то онъ получилъ благословеніе въ Александрѣ*, этомъ законномъ Императорѣ и Освободителѣ человѣчества».

Онъ страстно любилъ Россію и все русское, и всѣми силами своей души желалъ ей добра и процвѣтанія. Онъ считалъ, какъ самъ сознается, «всѣ минуты своей жизни потерянными для блага Россіи, когда намѣренія его отвлекались отъ этой цѣли внѣшними происшествіями и войною. «Я чувствовалъ, говорилъ онъ однажды, недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка съ тою же живостью, съ *коею обыкъ я любить и всему предпочитать пользы отечества»*,—сердце его всегда было доступно правдѣ,—даже болѣе, онъ любилъ, чтобы ему говорили всегда открыто и смѣло, хотя бы и самыя горькія истины. Едва ли и частный человѣкъ вынесъ бы терпѣливо всѣ тѣ укоризны, которыми осыпалъ его другъ вѣрный, искренній, но слишкомъ брюзгливый и самоувѣренный Парротъ.

Какъ дипломатъ, Александръ приводилъ въ отчаяніе своихъ соперниковъ,—и какихъ еще соперниковъ: Талейрана напр.—Съ злобною завистью и полнымъ сознаніемъ своего безсилія отзываются о немъ такіе дипломаты, для которыхъ ложь и надува-

тельство—основные принципы дипломатіи; шведскій посланникъ, напр., Лазербіенки, бывшій уполномоченный при парижскомъ кабинетѣ, говорилъ: «Александръ 1-й въ политикѣ своей тонокъ, какъ кончикъ булавки, остеръ, какъ бритва и фальшивъ, какъ пѣна морская»; Шатобріанъ такъ отзывался о немъ: «какъ человѣкъ, онъ искрененъ, когда рѣчь идетъ о челвѣчествѣ; но скрытенъ, какъ византіецъ, когда коснется политики».

Таковъ былъ Александръ, какъ человѣкъ и Государь вообще, таково историческое значеніе его личности и царствованія—опять же вообще. Войдемъ теперь въ большія подробности относительно его жизни и дѣятельности.

I.

Александръ родился въ 1777 г. 12 декабря. Свѣдѣнія о днѣ его рожденія, первыхъ мѣсяцахъ жизни и воспитанія даетъ намъ сама Императрица Екатерина въ письмѣ къ шведскому королю Густаву III-му, который, прослышавъ о рожденіи Александра и о томъ, какъ своеобразно воспитываетъ его Императрица, обратился къ ней съ просьбой сообщить и ему къ свѣдѣнію о воспитаніи Александра. «Александръ родился 12 декабря 1777 года,—отвѣчала Императрица на эту просьбу. Тотчасъ же послѣ его рожденія я взяла ребенка на руки и, послѣ того, какъ его обмыли, понесла его въ другую комнату, въ которой я его положила на подушку, покрывая его слегка, не дозволяя при томъ пеленать его иначе, какъ показано на приложенной при семъ куклѣ. Затѣмъ его положили въ корзину, въ которой находится кукла; это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы бабье не вздумали качать ребенка. Александра передали на попеченіе генеральшѣ Бенкендорфъ и помѣстили въ назначенныхъ ему покояхъ. Его кормилица—жена работника садовника. Особенно заботились о чистотѣ и свѣжемъ воздухѣ. Кровать Александра (онъ не знаетъ ни люльки, ни качанья) желѣзная, безъ занавѣсъ; лежитъ онъ на кожанномъ матрасѣ, на которомъ стелется одѣяло; у него не болѣе одной подушки и очень мягкое англійское покрывало. Въ его комнатѣ всегда говорятъ громко, даже и тогда, когда онъ спитъ. Никакой шумъ подъ его комнатами или возлѣ нихъ не запре-

щенъ. Даже на бастіонахъ адмиралтейства напротивъ его оконъ стрѣляютъ изъ пушекъ и вслѣдствіе всего того онъ не боится ни какого шума. Особенное вниманіе обращается на то, чтобы температура въ его покояхъ не превышала 14—15%. Каждое утро, зимою и лѣтомъ, пока убирается его комната, ребенка выносятъ въ другую комнату, а между тѣмъ окна его спальни отворяются для возобновленія воздуха. Зимою тотчасъ же послѣ согрѣванія комнаты его носятъ обратно въ спальню. Со времени его рожденія его ежедневно купали. Сначала вода была едва теплою, теперь же его моютъ комнатною водою. Онъ до того любитъ купаться, что, какъ скоро увидитъ воду, тотчасъ же кричитъ, желая погрузиться въ нее. Его не пріучили къ тому, чтобы успокоивать его не иначе, какъ грудью: за то онъ привыкъ къ извѣстному порядку: спать въ назначенные часы, принимать грудь въ извѣстное время, и т. под. Какъ скоро только дозволила весенняя погода, Александра безъ чепчика выносили на свѣжій воздухъ; мало по малу онъ привыкъ оставаться на свѣжемъ воздухѣ въ тѣни. Его положатъ на подушку и онъ спитъ превосходно. Чулокъ онъ не знаетъ и не терпѣлъ бы ихъ; ему не надѣваютъ ничего, что могло бы быть лишнею тяжестью. Когда ему было четыре мѣсяца, уже перестали постоянно носить его на рукахъ и дали ему коверъ. Его клали на брюшко, и онъ съ большою радостію испытывалъ свои силы. Его одежа состоитъ въ коротенькой рубашенкѣ и въ вязаномъ, широкомъ корсетикѣ. На воздухѣ къ этому еще прибавляется шерстяная или шелковая юбочка. Онъ ничего не знаетъ о простудахъ,—большой, полный, свѣжій и веселый, любитъ прыгать и почти никогда не кричитъ; недавно у него прорѣзался передній зубокъ; теперь ему безъ малаго девять мѣсяцевъ».

Изъ этого художественнаго описанія первыхъ дней жизни Александра не трудно замѣтить, подъ вліяніемъ чьихъ идей воспитывался Александръ. Идеи Локка и Жанъ-Жака Руссо такъ и сквозятъ въ каждой строкѣ письма Екатерины. Это увлеченіе Локкомъ и Руссо еще яснѣе и опредѣлительнѣе высказывается въ той знаменитой инструкціи, которую начертала мудрая Государыня Салтыкову,—одному изъ воспитателей Александра,—въ руководство при дальнѣйшемъ воспитаніи царственнаго отрока, когда этотъ послѣдній изъ рукъ «мамы» и

нянекъ долженъ былъ перейти въ руки «дядекъ» и учителей.— Какъ плодъ ума геніальной Государыни, какъ выраженіе ея заботливости объ обожаемомъ внукѣ, съ судьбой и характеромъ котораго должна была связаться на нѣкоторое время и судьба дорогой для ея сердца Россіи, наконецъ, какъ источникъ, изъ котораго мы можемъ уяснить себѣ многое въ личности Александра,—эта инструкція заслуживаетъ того, чтобы остановиться на ней нѣсколько болѣе сказаннаго.—Въ инструкціи, о которой я говорю, излагались правила двоякаго рода: одни изъ нихъ содержали въ себѣ наставленіе относительно физическаго воспитанія ребенка, а другія относительно религіозно-нравственнаго. Въ перваго рода правилахъ требуется, между прочимъ, чтобы платье дитяти было проще и легче, чтобы пища давалась ему простая, буде захочетъ кушать между обѣдомъ и ужиномъ— давали бы только кусокъ хлѣба; чтобы онъ былъ чаще на свѣжемъ воздухѣ, оставался бы на вѣтру, чтобы въ комнатѣ было не больше 13—14% по реомюру; чтобы онъ купался, сколько хочетъ, спалъ не мягко, подъ легкимъ одѣяломъ, и не оставался бы празднымъ; чтобъ въ игрѣ давалась ему полная свобода «безъ униманія малыхъ неисправностей».—Несомнѣнно, что всѣ эти наставленія по части физическаго воспитанія удовлетворяютъ, какъ нельзя болѣе, требованіямъ гигіены, съ которой наши предки были мало знакомы и которая еще такъ мало сдѣлала успѣха и въ нынѣшнихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ.—*Эта* воспитательная система имѣла важное значеніе для Александра: она породила въ немъ такія привычки, отъ которыхъ онъ не могъ отрѣшиться даже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Такъ напр., онъ могъ спать всегда, при всякихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при всякомъ шумѣ, и при томъ только на жесткой постели. Онъ не выносилъ закрытаго экипажа и во всякое время года, при всякихъ измѣненіяхъ температуры воздуха,—ѣздилъ въ открытомъ экипажѣ; ѣлъ немного, одѣвался просто. Жизнь его на тронѣ, какъ и въ дѣтской колыбели, была строго упорядочена, разграничена и умѣренна.

Относительно нравственнаго воспитанія въ инструкціи высказывались слѣдующія наставленія: «стараться вселять въ ребенкѣ человѣколюбіе и чувство состраданія ко всякой твари; о религіи отзываться при немъ неиначе, какъ со достодолжнымъ

почтеніемъ»; «пріучать къ безпрекословному повиновенію,—да будетъ то, что бабушка приказала—непрекословно исполнено, что запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобы казалось дѣтямъ столько же труднымъ нарушить то, сколько перемѣнить погоду по своему хотѣнію»; «чего повелительнымъ голосомъ станутъ требовать—того не давать; отучать отъ страха и пріучать къ учтивости.»—«Учить дѣтей въ тѣ часы, когда они сами изъявятъ къ тому охоту и не болѣе получаса сряду; за ученіе не бранить, но если учатся хорошо—похвалить; языкамъ учить неиначе, какъ въ разговорѣ. Обучать всему тому, что тѣлу придаетъ поворотливость и силу». Въ заключеніе этихъ наставленій высказывалось слѣдующее: «ученіе должно служить единственно къ отвращенію праздности». Учить музыкѣ и «поэзіи» не полагалось въ виду того, что посвященное на изученіе этихъ предметовъ время можетъ быть съ большею пользою употреблено на другія занятія.

Подъ дѣйствіемъ этихъ наставленій долженъ былъ развиваться нравственно будущій Императоръ. Насколько удовлетворительна вся эта система воспитанія, съ педагогической точки зрѣнія,—я не стану здѣсь входить въ большія подробности: замѣчу только, что и нынѣшніе педагоги ничего *существеннаго* не прибавили къ тому, что сдѣлала Екатерина, хотя въ системѣ Екатерины, какъ въ первомъ опытѣ у насъ въ Россіи, да пожалуй и въ Европѣ,—есть несовершенства, а въ иныхъ мѣстахъ и даже недостатки. Такъ напр. стремленіе Екатерины пріучить ребенка—Александра къ сильному шуму имѣло то дурное слѣдствіе, что онъ на всю жизнь остался глуховатымъ.— Что касается религіознаго воспитанія, то въ инструкціи этотъ пунктъ разработанъ самымъ неудовлетворительнымъ образомъ— чего, конечно, нельзя ставить въ вину Императрицѣ, какъ женщинѣ, не получившей спеціально богословскаго образованія. «О религіи отзываться при дѣтяхъ не иначе, какъ съ достодолжнымъ почтеніемъ»—вотъ и все. Здѣсь не дается никакихъ *положительныхъ* правилъ, *какъ* воспитать въ дѣтяхъ религіозное чувство, чтобы оно было живо и дѣйственно, чтобы ребенокъ всегда чувствовалъ присутствіе Бога близъ себя, любилъ этого Бога и поступалъ согласно съ Его волей. Протоіерей Самборскій,—достопочтенный во всѣхъ отношеніяхъ,—бывшій зако-

ноучителемъ Великаго Князя, по всей вѣроятности, не сумѣлъ, по собственной иниціативѣ, воспитать въ Александрѣ такое чувство, а дѣйствовалъ только въ предѣлахъ инструкціи: по крайней мѣрѣ, самъ Александръ впослѣдствіи говорилъ объ этомъ епископу Ейлерту прусскому такъ: «Пожаръ Москвы *освѣтилъ мою душу и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ исполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой до тѣхъ поръ я не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога... Искупленію Европы отъ погибели обязанъ я собственнымъ искупленіемъ*».

Такимъ образомъ результатомъ воспитанія Александра на первыхъ порахъ должны были явиться *естественныя добродѣтели*, которыя, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ въ его жизни и при собственномъ его самоопредѣленіи, стали *христіанскими добродѣтелями*. Только благодаря дѣвственно-чистой, цѣлостной, склонной отъ природы болѣе къ добру, чѣмъ ко злу—натурѣ, а также, безъ сомнѣнія и при дѣйствіи промысла Божія, предназначавшаго его къ дѣламъ великимъ, Александръ могъ устоять и не поскользнуться въ нравственномъ отношеніи, въ періодъ своей молодости. Случаевъ сбиться съ пути было много: стоитъ только вспомнить тотъ вѣкъ, тѣ нравственныя начала, которыми руководились люди XVIII вѣка въ своей жизни, дворъ Екатерины и ея отношенія къ Павлу Петровичу. Онъ выросъ между двумя дворами—бабки и отца, непріязненными между собою, противоположными по направленію: при одномъ господствовала роскошь, расточительность, постоянныя празднества, свобода нравовъ, доходившая до излишества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свобода мысли, часто блестящей, иногда глубокой; при другомъ—ропотъ, негодованіе и военный строй, замѣнявшій всѣ удовольствія. Здѣсь, поистинѣ, нужно было имѣть цѣлость голубя и мудрость змѣину, чтобы, не насилуя своей нравственной природы, избѣжать и Сциллы и Харибды. Впрочемъ, какъ ни былъ онъ почтителенъ къ своему отцу, этотъ послѣдній не такъ любилъ его, какъ Константина, своего второго сына. Онъ видѣлъ въ немъ любимца Екатерины, а всѣ любимцы Екатерины были врагами Павла. Онъ опасался, и не безъ основанія,—что Екатерина, обожавшая своего внука, можетъ обойти его, прямого наслѣдника, престоломъ. Дѣйствительно, есть извѣстіе, что Екатерина, не симпатизируя полити-

ческимъ идеямъ Павла, не любя его характера, вспыльчиваго и непостояннаго, и опасаясь, что, вслѣдствіе таковыхъ сторонъ въ характерѣ Павла, направленіе въ политикѣ русскаго двора, какое сообщила она, будетъ оставлено, желала во избѣжаніе всего этого, на основаніи «Правды воли монаршей»,— видѣть преемникомъ своимъ Александра. Все это должно было дѣлать еще болѣе натянутыми отношенія Павла къ Александру. Но добрая натура Александра и въ этомъ случаѣ сказалась: по смерти Екатерины, онъ, назначенный отцомъ въ числѣ другихъ для разбора бумагъ Императрицы, разорвалъ собственноручно завѣщаніе Государыни—бабки и взялъ съ присутствовавшихъ при этомъ лицъ обѣщаніе не сказывать объ этомъ отцу.

Въ числѣ воспитателей Александра, благотворно дѣйствовавшихъ на его характеръ и имѣвшихъ сильное вліяніе на его образъ мыслей, былъ Фридрихъ—Цезарь Лагарпъ, называемый русскими просто Петромъ Иановичемъ,—гражданинъ свободной республики (Женевской), открытый и честный; онъ преподавалъ ему свои правила. Насколько сильно было вліяніе идей Лагарпа на Александра, это видно изъ слѣдующаго отзыва князя Чарторійскаго, который былъ однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей Александра. «Онъ сознавался мнѣ, пишетъ Чарторійскій въ своихъ мемуарахъ—что ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдитъ за французской революціей; что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ. Онъ съ благоговѣніемъ говоритъ мнѣ о своемъ наставникѣ Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, истинной мудрости, строгихъ правилъ, сильнаго характера. Мнѣнія его, заключаетъ свои сужденія объ Александрѣ Чарторійскій, были мнѣніями школьника 1789 года, который желалъ бы видѣть повсюду республику и считалъ эту форму правленія единственно сообразною съ желаніемъ и правами человѣчества. Хотя я и самъ, замѣчалъ Чарторійскій, въ это время былъ очень восторженъ, хотя родился и воспитанъ былъ въ республикѣ, однако же въ нашихъ спорахъ я держалъ сторону благоразумія и умѣрялъ крайнія мнѣнія Великаго Князя».

Салтыковъ и Лагарпъ любили своего питомца, особенно послѣдній,—и въ своихъ отчетахъ, представляемыхъ по вре-

менамъ Императрицѣ, давали самые лестные отзывы объ успѣхахъ и поведеніи Александра. Отзывы эти не были лестью въ ушахъ воспитателей Александра: онъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ проявлялъ свои добрыя качества ума и сердца. Онъ любилъ заниматься науками, и они ему давались легко, благодаря необыкновеннымъ способностямъ. Онъ хорошо овладѣлъ нѣсколькими языками и въ особенности французскимъ. Порусски писалъ онъ съ погрѣшками противъ грамматики. Въ молодости еще онъ обнаруживалъ стремленіе къ добру и спѣшилъ на помощь къ ближнему, не соображая ни средствъ своихъ, ни обстоятельствъ: случилось ему напр. услышать, что какой-то старикъ иностранецъ, нѣкогда служившій при академіи, находится въ крайней бѣдности, онъ поспѣшно вынулъ 25 р. и торопился отослать ихъ къ бѣдняку, хотя у него самого не оставалось болѣе денегъ. Узналъ онъ, что одинъ изъ щекатуровъ, работавши у дворца, упалъ съ лѣсовъ и сильно ушибся: отослать его въ больницу, послать къ нему своего лейбъ-медика, приказать хиругу пользовать его, дать на сіе деньги, послать больному нѣкоторую сумму, постель, *свою* простыню—было для него дѣломъ одной минуты. Мало этого, онъ справлялся и заботился о больномъ каждый день, скрывая отъ всѣхъ свой поступокъ, «который онъ считалъ долгомъ человѣчества, къ чему всякій непремѣнно обязанъ». Переѣзжая разъ на паромѣ, онъ увидѣлъ. что одинъ изъ перевозчиковъ нечаянно поранилъ себя настолько сильно, что напугалъ окружающихъ. Александръ, считая себя невольною причиною его бѣдствія, поспѣшилъ тутъ же перевязать ему рану собственнымъ платкомъ. Такая сердечность въ отношеніи къ ближнимъ, такая готовность оказывать сейчасъ же помощь нуждающемуся—были отличительными чертами въ характерѣ Александра во всю жизнь его. Событія, сопровождавшія пожаръ Москвы и страшное наводненіе Петербурга—доказали это.

Чтобы предотвратить отъ гибельныхъ увлеченій молодости любимаго внука, Екатерина, несмотря на его крайнюю молодость (Александру не было еще полныхъ 16 лѣтъ) спѣшила бракомъ царственнаго юноши. Бракъ этотъ состоялся 28 сентября 1793 г. Екатерина сама выбрала ему подругу жизни. То была кроткая и добрая Луиза-Марія-Августа, принцесса

баденская, въ св. мνропомазанiи нареченная Елизаветой Алексѣевной. По своей наружности это было прелестное существо: ослѣпительная бѣлизна лица съ розовымъ оттѣнкомъ щекъ, пепельнаго цвѣта волосы, спускавшiеся на плечи алебастровой бѣлизны, талiя сильфиды, выраженiе ума и чувствъ въ большихъ голубыхъ глазахъ,—все это привлекало въ ней взоры и приводило въ восторгъ. Бракъ этотъ былъ счастливъ; Елизавета Алексѣевна была первымъ и послѣднимъ предметомъ любви Александра, хотя и она не порадовала его рожденiемъ наслѣдника.

Екатерина съ восторгомъ смотрѣла на эту юную чету и строила планы на счетъ ихъ будущаго; но внезапная смерть ея предупредила ея расчеты, и Александръ, по собственной волѣ, остался только Великимъ Княземъ и Цесаревичемъ, хотя могъ быть и Императоромъ непосредственно послѣ смерти своей бабки, если бы имѣлъ въ этомъ случаѣ не такое доброе сердце и не такiя возвышенныя правила. Только 12 марта 1801 г. онъ достигъ того, къ чему предназначила его бабка и чего съ нетерпѣливостью ожидала Россiя.

Александру было тогда безъ малаго 24 года. Онъ былъ, какъ говорится, въ цвѣтѣ лѣтъ, силъ и здоровья. Онъ былъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ и въ высшей степени грацiозенъ. Его прямой носъ былъ прекрасно очерченъ; ротъ малъ и прiятенъ, весь профиль и окладъ лица напоминали красоту его Августѣйшей матери Марiи Θеодоровны. Даже недостатокъ волосъ, въ позднѣйшее время, на лбу не портилъ этого лица, а придавалъ ему выраженiе открытое и веселое. Золотисто бѣлокурые свои волосы онъ тщательно причесывалъ на манеръ античный, въ его голосѣ и манерахъ было безчисленное множество оттѣнковъ. По осанкѣ и походкѣ онъ напоминалъ свою державную бабку; станъ его, какъ и Екатерины, былъ не много наклоненъ впередъ, на манеръ античныхъ статуй; особенно улыбка его была также очаровательна, какъ и у Екатерины; старые сподвижники ея глядѣли на юнаго государя съ какою-то суевѣрною любовью. Эта улыбка постоянно мелькала на его губахъ. На челѣ Государя лежалъ по временамъ отпечатокъ какой-то идеальной задумчивости и болѣе робости, чѣмъ смѣлости. Его голубые глаза, кроткiе и привѣтливые, внушали не

страхъ, а скорѣе безпредѣльную любовь, сочувствіе, преданность и готовность до самопожертвованія. Глаза эти точно улыбались и всегда принимали участіе въ разговорѣ. Слушая кого нибудь, онъ всегда подставлялъ слегка правое ухо, потому что плохо слышалъ на лѣвое.—«Взирая на него, говоритъ одинъ современникъ, каждый мысленно ободрялъ его: «смѣлѣе, смѣлѣе! вѣрь, что господство слѣпой силы менѣе надежно, чѣмъ господство разума, что проявленіе благотворнаго добра въ нравственной жизни народа также необходимо, какъ проявленіе солнечной теплоты въ царствѣ растительномъ. Смѣлѣе, смѣлѣе! Богъ милостивъ, мы за тобой!»—Не лестью поэтому, а чистою правдой звучатъ стихи Карамзина, которыми онъ привѣтствовалъ Александра при восшествіи на престолъ:

Сердца дышать тобой готовы:
Надеждой духъ нашъ оживлёнъ;
Такъ милыя весны явленья
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы!

«Счастливые Россіяне, писалъ Муравьевъ своему другу Воронцову, уполномоченному при британскомъ дворѣ, счастливые россіяне съ радостью и признательностью въ сердцѣ и со слезами на глазахъ восторженно повторяютъ всякое слово, исходящее изъ устъ своего обожаемаго Государя. Не могу изобразить вашему сіятельству до какой степени всѣ въ восхищеніи.»

Не легкія, однакожъ, задачи пришлось разрѣшать Александру въ свое царствованіе. Съ одной стороны, Европа находилась наканунѣ чрезвычайныхъ событій, въ которыхъ Россія, въ силу исторической логики, не желая сдѣлаться до-петровской Русью, совершенно изолированной въ дѣлахъ Европы, должна была принять такое или иное участіе; съ другой стороны, у себя дома настоятельно требовались и ожидались реформы—чаялось обновленіе отечества... Нужно было и сія творить и онѣхъ не забывать. Но для того, чтобы выполнить эти задачи, потребенъ былъ геній, потребны были люди, которые бы безотвѣтно были преданы своему Государю и готовы на все. Александръ не нуждался въ первомъ, а въ силу своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ отыскалъ и вторыхъ.

Изъ писемъ его видимъ, что во время ранней своей молодости онъ не сочувствовалъ дѣятелямъ и высокопоставленнымъ лицамъ, которыя значились тогда при дворѣ и у кормила государства. Онъ уже тосковалъ о пріискѣ новыхъ людей; ему нужна была другая атмосфера, нуженъ былъ воздухъ болѣе чистый и легкій. Ему было душно въ той средѣ, въ которой онъ былъ запертъ; онъ жаждалъ перевоспитать себя, пересоздаться въ новой школѣ, въ сотовариществѣ людей другихъ понятій, другихъ стремленій, другаго закала. По этому, когда онъ взошелъ на престолъ, онъ требовалъ молодыхъ силъ, новыхъ стихій, онъ хотѣлъ вино новое влить и въ мѣхи новыя... Съ увлекательностью молодости, съ полною довѣрчивостью окружилъ онъ себя Новосильцевымъ, Строгановымъ, Кочубеемъ, Чарторійскимъ. То были лица безгранично преданные Государю, а трое первыхъ и пользамъ Россіи. Императоръ питалъ искреннюю дружбу къ своимъ молодымъ сотрудникамъ и въ шутку называлъ ихъ Comité de salut publique, т. е. комитетомъ общественной безопасности. Дружно и весело принялись всѣ эти лица за работу. Императоръ шелъ впереди всѣхъ, подавая всѣмъ и во всемъ примѣръ.» Нѣжный и почтительный къ матери, обходительный со всѣми, нашъ любезный Государь,—писалъ Муравьевъ—Апостолъ Воронцову,—суровъ только къ самому себѣ. Въ строгости при исполненіи своихъ обязанностей онъ точно ученикъ Эпиктета. Съ 7-ми часовъ утра до одиннадцати онъ занятъ исключительно дѣлами государственными и ничто не можетъ отвлечь его отъ нихъ. Съ пяти часовъ пополудни онъ опять занимается дѣлами правленія, и эти занятія иной разъ продолжаются до одиннадцати часовъ ночи и болѣе». «Издержки его ограничены извѣстною суммою на каждую треть года, пишетъ графъ де-Местръ. Если къ концу этого срока у него ничего не остается, онъ серьезно говоритъ «у меня нѣтъ денегъ», и живетъ въ долгъ. Онъ не носитъ никакихъ драгоцѣнностей, ни одного кольца, даже не носитъ часовъ. У него нѣтъ свиты. Если онъ встрѣчаетъ кого нибудь на набережной, онъ не хочетъ, чтобы выходили изъ экипажа, а довольствуется поклономъ». Такую жизнь началъ вести Александръ съ новыми своими сотрудниками по восшествіи на престолъ

Въ началѣ царствованія онъ объявилъ русскимъ въ манифестѣ, что «будетъ править народомъ по законамъ и по сердцу Августѣйшей бабки своей, Екатерины Великой, шествовать по ея премудрымъ намѣреніямъ, да вознесетъ Россію на верхъ славы». Съ другой стороны, въ отношеніи внѣшней политики, въ отношеніи Европы, онъ объявлялъ нейтралитетъ: «Если я примусь за оружіе, говорится въ манифестѣ 1801 г. 4 іюля, такъ только для защиты моего народа... Я не мѣшаюсь во внутреннія несогласія, возмущающія другія государства, мнѣ нѣтъ нужды, какую бы форму правленія ни возстановили у себя народы; пусть только руководствуются въ отношеніи къ моей Имперіи тѣмъ же духомъ терпимости, какимъ руководствуюсь я, и мы останемся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.»

Не смотря, однако же, на такое заявленіе, логика событій заставила Александра выступить изъ роли пассивнаго зрителя и принять въ судьбѣ Европы самое дѣятельное участіе, и тѣмъ самымъ стяжать *себѣ* безсмертную славу и *въ исторію русскаго народа* вплести нѣсколько страницъ самыхъ свѣтлыхъ и отрадныхъ.

II.

Въ то время, когда Александръ вступилъ на престолъ, Европа пережила уже нѣсколько страшныхъ моментовъ въ своей исторіи. Французская революція, ниспровергшая тронъ Бурбоновъ во Франціи, разшатавшая у себя дома всѣ связи, на которыхъ покоилось государственное зданіе, поругавшись надъ религіей и всѣмъ священнымъ, какъ рѣка, вырвавшаяся изъ узкихъ береговъ, во время половодья,—стала крушить и истреблять все попадавшееся на пути. Страшнымъ потокомъ ринулись французскія арміи на сосѣднія державы, изъ чувства самосохраненія стремившіяся положить преграды этому движенію... Италія, Австрія, Германія, даже отдаленный Египетъ и Сирія испытали на себѣ эту всесокрушающую силу. Лучшія арміи, лучшіе полководцы были разбиваемы въ пухъ и прахъ разъярившимися французами, которые во имя провозглашенныхъ ими принциповъ свободы, равенства и братства, налагали

тяжкое ярмо на побѣжденныхъ и водружали знамя своего республиканскаго деспотизма на мѣсто, разрушаемаго, по ихъ мнѣнію,—монархическаго. То было страшное время: вся Европа тряслась, какъ въ лихорадкѣ, ожидая со дня на день горшей участи. Призракъ Наполеона Бонапарта, бѣднаго доселѣ корсиканца, добившагося такого высокаго положенія, благодаря только своему военному генію и адскому честолюбію,—которому счастье вездѣ и всюду сопутствовало, и на тучныхъ равнинахъ Ломбардіи, и на поляхъ Италіи и Германіи, и въ песчаныхъ пустыняхъ Африки,—призракъ, говорю, этого человѣка, какъ тяжелый кошмаръ, давилъ всѣхъ и все. Только Суворовъ безсмертный, да его чудо-богатыри могли соперничать съ французами и ихъ полководцами. И дѣйствительно, если бы не безразсудная политика Австріи, да не характеръ Павла, не всегда ровный и постоянный,—быть можетъ, того, что пришлось пережить Европѣ и Россіи въ первую четверть нынѣшняго столѣтія, быть можетъ, этого не случилось-бы... Суворовъ и его сподвижники, освободившіе Италію отъ тираніи французовъ и жаждавшіе внести русское оружіе въ предѣлы самой Франціи, безъ сомнѣнія, водворили бы здѣсь тишину и спокойствіе—по своему, по-суворовски,—скоро, быстро. Но этого къ несчастью не случилось, и тому кто былъ кошмаромъ для всей Европы, пришлось господствовать еще очень долго, до тѣхъ поръ, пока не наступило Бородино и Ватерлоо, пока Александръ и Кутузовъ не стали съ нимъ лицомъ къ лицу.

Въ тотъ годъ, когда Александръ вступилъ на престолъ, Австрія, послѣ пораженія при Маренго и Гогенлинденѣ, пораженія, рѣшившаго судьбу Италіи, заключила съ Наполеономъ миръ въ Люневилѣ, по которому Рейнъ сдѣлался границею между Франціей и Германіей, а вслѣдъ за Австріей и Англія, оставленная своими союзниками, заключила съ Франціей миръ въ Амьенѣ въ 1802 году. Наши богатыри, съ Суворовымъ во главѣ, были отозваны изъ Италіи еще раньше Павломъ, еще до возвращенія Наполеона изъ Египта, куда онъ предпринималъ военную экспедицію—съ цѣлью отсюда вредить Англіи и ея индійской торговлѣ. Повидимому все успокоилось и даже самъ Наполеонъ, достигшій теперь титула императора и помазанія на царство, плѣннымъ тогда, Піемъ VII, Наполеонъ,

повидимому, занялся внутренними дѣлами Франціи, упроченіемъ своего престола, своей династіи. Но это было только повидимому; на самомъ же дѣлѣ, Наполеонъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ Европѣ, составлялъ военные планы и подготовлялся къ новымъ побѣдамъ и завоеваніямъ. Но теперь уже должны были выступить на первый планъ не интересы республики, не революціонные принципы, а династическіе интересы Наполеона, его ужасное честолюбіе и эгоизмъ. Словомъ, почва Европы была такъ наэлектризована, такъ обильно снабжена горючими матеріалами, что достаточно было одной искры, чтобы моментально послѣдовалъ страшный взрывъ, вспыхнулъ необыкновенный пожаръ. «Кто не жилъ въ эту эпоху, говоритъ одинъ современникъ описываемаго времени, тотъ знать не можетъ, догадаться не можетъ, какъ душно было жить въ это время. Судьба каждаго государства, почти каждаго лица, болѣе или менѣе, такъ или иначе, не сегодня такъ завтра, зависѣла отъ прихотей тюильерійскаго кабинета, или отъ боевыхъ распоряженій наполеоновой главной квартиры. Всѣ были какъ подъ страхомъ землетрясенія или изверженія огнедышащей горы. Вся Европа задыхалась отъ этого страха. Никто не могъ ни дѣйствовать, ни дышать свободно».—«Я проводила все время надъ изученіемъ карты Европы, пишетъ госпожа Сталь въ своихъ *Воспоминаніяхъ*,—чтобы бѣжать отъ Наполеона, точно такъ же, какъ онъ изучалъ ее, чтобы покорить Европу, и моя, какъ и его, кампанія имѣла цѣлью Россію. Эта держава была тогда послѣднимъ убѣжищемъ угнетенныхъ».

Прошло четыре года со вступленія Императора Александра на престолъ,—четыре томительныхъ для всей Европы года. Война между Англіей и Франціей, не надолго прекращенная мирными договорами въ Амьенѣ и Люневилѣ, снова возгорѣлась. Поводомъ къ этому послужило ничѣмъ не ограниченное самовластіе Наполеона. Коронованными особами онъ сталъ распоряжаться какъ мелкими чиновниками,—свергать, возводить на престолы по своему желанію, а подчасъ—и капризу. Присоединеніе Генуи или Лигурійской республики къ Франціи было послѣдней каплей въ этой горькой чашѣ. Противъ Наполеона составилась коалиція изъ Англіи, Австріи и Швеціи.— Громъ гремѣлъ еще далеко, и казалось, не угрожалъ Россіи.

Но страсть къ завоеваніямъ, которая начинала обнаруживаться въ томъ, кто присвоилъ себѣ тогда верховную власть во Франціи, внушала опасеніе на счетъ будущей участи европейскихъ державъ и равновѣсія силъ между ними. Императоръ Александръ, чтобы предупредить подобное явленіе, хотѣлъ согласить воюющія стороны и склонить ихъ къ миру. Старанія его не имѣли, однакожъ, желаемаго успѣха, и онъ двинулъ въ 1805 году армію на помощь Австріи. Такъ началась первая кровавая встрѣча Александра съ Наполеономъ.

Еще до прибытія русскихъ войскъ на театръ военныхъ дѣйствій австрійцы были уже разбиты подъ Ульмомъ; Наполеонъ занялъ даже Вѣну. Затѣмъ послѣдовалъ Аустерлицъ,— «битва трехъ Императоровъ», какъ выразился самъ Наполеонъ. При всѣхъ усиліяхъ со стороны русскихъ нельзя было измѣнить положеніе тогдашнихъ дѣлъ. Малодушный Францъ, императоръ австрійскій, вопреки совѣтамъ Александра, подписалъ миръ въ Пресбургѣ. Александръ не согласился принять участіе въ этомъ мирѣ. Русскія войска возвратились въ предѣлы Имперіи.

Въ теченіе этой кратковременной войны Государь всячески склонялъ пруссаковъ къ совокупному дѣйствію съ обоими императорскими дворами. Пруссія, однакожъ, не послушалась благоразумныхъ совѣтовъ Александра и предпочла оставаться нейтральною. Вскорѣ она должна была раскаяться въ своемъ оптимизмѣ и своемъ нейтралитетѣ. Наполеонъ безцеремонно захватилъ прусскія владѣнія, Клеве и Аншпахъ, и не хотѣлъ вопреки пресбургскому договору выводить свои войска изъ Германіи. Напрасно Пруссія протестовала противъ такого насилія, напрасно Императоръ Александръ, озабоченный такимъ положеніемъ Пруссіи, которую, послѣ пораженій Австріи, почиталъ единственнымъ оплотомъ Россіи противъ Франціи,—пытался путемъ мирныхъ переговоровъ склонить Наполеона къ уступкамъ: Наполеонъ не хотѣлъ ничего слышать. Король прусскій, увидѣвъ, наконецъ, что одна часть его владѣній окружена французскими войсками, а другой угрожало ихъ вторженіе, не хотѣлъ долѣе потворствовать Наполеону и объявилъ рѣшительное намѣреніе защищать свои права и независимость, а также начать военныя дѣйствія, если въ опредѣленный срокъ не получитъ удовлетворенія. Все

было напрасно; Наполеонъ, видимо, наслаждался всѣмъ этимъ и жаждалъ только случая проглотить и Пруссію такъ же, какъ и Австрію. Такое поведеніе Наполеона вызвало негодованіе у Александра, и онъ послалъ свои войска на помощь Пруссіи. Онъ совѣтовалъ и Австріи сдѣлать то же но Австрія теперь такъ же, какъ и Пруссія прежде, подъ разными предлогами уклонилась отъ дѣйствій сообща. Судьба Пруссіи была такъ же печальна, какъ и Австріи передъ тѣмъ. Прежде чѣмъ русскія войска прибыли на мѣсто дѣйствій въ Пруссію, Наполеонъ уже уничтожилъ прусскую армію, считавшуюся доселѣ, по воспоминаніямъ о Фридрихѣ Великомъ,—непобѣдимою. Іена и Ауэрштедтъ были свидѣтелями этихъ пораженій Пруссіи. Наполеонъ занялъ Берлинъ. Король прусскій съ своимъ семействомъ бѣжалъ подъ прикрытіе русскихъ войскъ. Государь нѣсколько разъ ходатайствовалъ предъ Англіей объ оказаніи денежнаго пособія Пруссіи, находившейся въ самомъ затруднительномъ положеніи. Долго, по обыкновенію, эта криводушная держава не давала удовлетворительнаго отвѣта, и когда согласилась сдѣлать ссуду для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ Россіи, Пруссіи, даже Австріи,—если она объявитъ войну,—ссуда оказалась такою ничтожною, что не могла быть достаточной даже для одной Пруссіи. Между тѣмъ послѣдовалъ рядъ кровопролитныхъ битвъ между русскими и французами. Русскіе дрались, какъ львы. Особенно замѣчательно сраженіе при Прейсишъ—Эйлау (1807 г.); оно продолжалось два дня и осталось нерѣшеннымъ. Обѣ стороны отступили. Наполеонъ, не привыкшій доселѣ встрѣчать такого сопротивленія, напрягъ послѣднія усилія, вооружилъ поляковъ, обѣщая имъ независимость, и снова напалъ на русскихъ при Фридландѣ. Не смотря на отчаянное мужество, русскіе, занимая невыгодную позицію, были здѣсь разбиты. Послѣ того французы заняли Кенигсбергъ. Александръ, однакожъ, не падалъ духомъ и тогда только рѣшился на переговоры о мирѣ, когда цесаревичъ Константинъ, присланный Беннигсеномъ изъ арміи, настоятельно потребовалъ мира, изложивъ всѣ обстоятельства дѣла. Александръ уступилъ и завелъ переговоры съ Наполеономъ о мирѣ. Послѣдній, испытавъ всю трудность борьбы съ Александромъ, тѣмъ охотнѣе согласился на миръ, что Александръ теперь первый предложилъ его. По этому случаю состоялось свиданіе двухъ Императоровъ

въ Тильзитѣ, а первоначально въ павильонѣ, устроенномъ на рѣкѣ Нѣманѣ. Во время этого свиданія благодушный и великодушный Александръ отстоялъ существованіе Пруссіи, уже обреченной Наполеономъ на гибель: но за то Пруссія была лишена почти половины своихъ владѣній. Изъ земель, отнятыхъ у ней между Рейномъ и Эльбою, Наполеонъ образовалъ Вестфальское королевство для младшаго своего брата Іеронима. Изъ польскихъ же областей, принадлежавшихъ Пруссіи, учредилъ герцогство Варшавское, Россія получила по тильзитскому миру Бѣлостокскую область. Но за все это она обязалась присоединиться къ такъ называемой *Континентальной Блокадѣ,* посредствомъ которой Наполеонъ думалъ подорвать торговлю ненавидимой имъ Англіи, заперевъ входъ ея кораблямъ въ гавани континентальныхъ державъ. Самъ Императоръ Александръ прекрасно выяснилъ свое поведеніе и тѣ побужденія, которыми онъ руководствовался при заключеніи этого мира, въ инструкціи, данной имъ вновь аккредитованному послу русскому при тюльерійскомъ кабинетѣ. «Во время всѣхъ сихъ происшествій, говорится въ этой инструкціи, руководствовался я постоянно неизмѣнными правилами справедливости, безкорыстія, непреложною заботливостью о моихъ союзникахъ. Я не пренебрегалъ ничѣмъ для поддержанія и защиты ихъ. Независимо отъ дипломатическихъ сношеній, веденныхъ по моему повелѣнію, я два раза былъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, и, конечно, не будутъ меня упрекать въ какихъ либо личныхъ видахъ. Усматривая постепенное разрушеніе началъ, на которыхъ нѣсколько вѣковъ основывалось спокойствіе и благоденствіе Европы, я чувствовалъ, что обязанность и санъ россійскаго Императора предписывали мнѣ не оставаться празднымъ зрителемъ сего разрушенія. Я сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ. Но въ томъ положеніи, до котораго, по неосмотрительности другихъ, доведены были дѣла, когда мнѣ одному пришлось сражаться съ Франціей, подкрѣпленной огромными силами Германіи, Италіи, Голландіи и даже Испаніи, когда я былъ совершенно оставленъ союзниками, на коихъ полагался, наконецъ, когда увидѣлъ, что границы моего государства подвергаются опасности отъ сцѣпленія ошибокъ и обстоятельствъ, которыхъ мнѣ нельзя было тогда отвратить, я разсудилъ, что имѣю полное право воспользоваться предложеніями, нѣсколько

разъ сдѣланными мнѣ въ теченіе войны Наполеономъ.» Тильзитскій миръ былъ подписанъ 25 іюня 1807 года.

Пребываніе Александра и Наполеона въ Тильзитѣ продолжалось довольно долго. Послѣдовало тѣсное сближеніе между двумя государями, столь противоположными по своимъ идеаламъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обманутымъ въ заключенной здѣсь дружбѣ остался Александръ. Всѣ приближенные къ Наполеону согласовались въ томъ, что въ обхожденіи, въ рѣчи его много было обольстительнаго, особенно когда нужно было ему кого нибудь приголубить и околдовать. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ заряды, всѣ чары умственнаго кокетства его были обращены на Александра. Многое въ характерѣ Наполеона не успѣло еще тогда выясниться. Ненасытный честолюбецъ еще не вполнѣ, не до наготы сорвалъ съ себя личину свою. Очень натурально, что онъ обольстилъ младшаго собесѣдника своего, впечатлительнаго и склоннаго къ идеализаціи. Оба Государя разстались, повидимому, друзьями. Въ слѣдующемъ году состоялось другое свиданіе Наполеона и Александра въ Эрфуртѣ. Здѣсь они старались превзойти другъ друга въ изъявленіяхъ взаимнаго расположенія, но люди опытные и проницательные замѣтили, что между ними не было уже той искренности, которою отличалось первое ихъ свиданіе. Александръ сталъ скептичнѣе относиться къ Наполеону. «Скажите вашему государю, обратился Наполеонъ однажды къ князю Волконскому, уполномоченному Александра, прослышавъ, конечно, о начавшемся разочарованіи,—скажите ему, что я его другъ, но чтобы онъ остерегался тѣхъ, которые стараются насъ поссорить. Если мы въ союзѣ, міръ будетъ принадлежать намъ. Свѣтъ—какъ это яблоко, которое я держу въ рукахъ. Мы можемъ разрѣзать его на двѣ части, и каждый изъ насъ получитъ половину. Для этого намъ нужно быть согласными,—и дѣло сдѣлано». Но Александръ не былъ Евой, чтобы соблазниться яблочкомъ змія; поэтому, когда Волконскій разсказывалъ ему о свиданіи съ Наполеономъ и о сравненіи міра съ яблокомъ, Государь уже холодно замѣтилъ: «сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а потомъ придетъ охота взять и другую». Государь не ошибался въ данномъ случаѣ: дѣйствительно, Наполеонъ уже съ завистью посматривалъ на ту часть земного шара, которой владѣлъ

Александръ, и ждалъ только удобнаго случая захватить ее въ свои руки.

Отношенія Государя русскаго къ Наполеону, послѣ описаннаго случая, становились все холоднѣе и натянутѣе. Каждый зорко сталъ слѣдить за своимъ противникомъ. Скоро властолюбивые замыслы Наполеона противъ Россіи обнаружились явно. Такъ, соглашаясь въ дипломатической перепискѣ съ Александромъ исключить изъ исторіи и самое имя Польши, Наполеонъ на самомъ дѣлѣ увеличивалъ герцогство Варшавское новыми землями: по миру въ Шейбрюнѣ, онъ присоединилъ къ нему западную Галицію, отнятую у Австріи. Равнымъ образомъ, когда Александръ потребовалъ обязательства, что Польша никогда не будетъ возстановлена, то Наполеонъ отвѣчалъ уклончиво. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ нанесъ новое оскорбленіе Александру. Самовластно присоединяя къ Франціи германскія земли, онъ отнялъ, вопреки Тильзитскому договору, владѣнія у герцога Ольденбургскаго, родственника русскаго Государя. Едва успѣлъ Государь получить донесеніе своего посла и письмо герцога объ этомъ рѣшеніи Наполеона, какъ пріѣхали въ Ольденбургъ французскіе коммисары. Они предъявили данное имъ повелѣніе опечатать всѣ казенныя суммы и заняться образованіемъ внутренняго управленія герцогства, присовокупляя, что Наполеонъ присоединилъ уже сію область къ Франціи, а герцогу взамѣнъ этого назначилъ Эрфуртъ. Александръ протестовалъ противъ такого насильственнаго поступка. Наполеонъ не обращалъ никакого вниманія на протестъ.

Къ этимъ непріятностямъ присоединились еще непріятности по поводу торговли. Континентальная блокада, учрежденная Наполеономъ, нанесла существенный вредъ англійской торговлѣ и промышленности; но въ то же время сопровождалось упадкомъ благосостоянія и въ континентальныхъ державахъ. Въ Россіи вывозъ продуктовъ значительно уменьшился, товары вздорожали, ассигнаціи упали въ цѣнѣ, звонкая монета исчезла съ рынковъ. Самъ Наполеонъ вынужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя исключенія изъ своей системы для Франціи. Такъ, онъ позволилъ ввозъ во Францію колоніальныхъ товаровъ на англійскихъ судахъ, хотя и за высокую пошлину. Онъ потребовалъ такого же тарифа изъ Россіи. Александръ съ негодованіемъ отвергъ

такое требованіе. Напротивъ, чтобы ограничить вывозъ звонкой монеты, онъ обложилъ высокой пошлиной предметы роскоши, получаемые изъ Франціи, а нѣкоторые и совсѣмъ запретилъ ввозить.—Всѣ эти непріятности, въ концѣ концовъ, должны были привесть къ столкновенію болѣе рѣшительному, чѣмъ дипломатическое, Россіи съ Франціей, Александра съ Наполеономъ. Въ началѣ 1811 г. Наполеонъ уже не скрывалъ враждебныхъ намѣреній противъ Россіи. Онъ ласкалъ поляковъ, жившихъ въ Парижѣ, вооружалъ противъ нея Швецію. Грозныя тучи надвигались все болѣе и болѣе на сѣромъ небосклонѣ, глухіе раскаты грома уже слышались съ запада... Обѣ державы дѣятельно готовились къ борьбѣ.

III.

Насталъ наконецъ и *двѣнадцатый годъ*,—годъ *страшный* и вмѣстѣ съ тѣмъ *славный* въ лѣтописяхъ русскаго народа. Ему предшествовала невиданная дотолѣ по величинѣ и блеску комета съ длиннымъ и широкимъ хвостомъ, служившая грознымъ знаменіемъ для суевѣрнаго народа. «Охъ, не передъ добромъ, не передъ добромъ», осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и качая головой, говорили полушопотомъ старики—каждый разъ, какъ появлялась она на вечернемъ небосклонѣ. «Быть бѣдѣ»—вторили имъ болѣе рѣшительные въ своихъ умозаключеніяхъ. На этотъ разъ инстинктъ народный не обманулся. Бѣда была, дѣйствительно, не за горами.

Страшныя бѣдствія обрушились на Русь въ канунъ той ужасной войны, которая зовется *отечественной*. Запылали города и села русскіе: Кіевъ, Воронежъ, Казань, Уфа, Житоміръ, Бердичевъ и многіе другіе города обращены были въ пепелъ. Русскіе не безъ основанія обвиняли въ этомъ несчастіи французовъ. Агенты французскаго правительства попадались тамъ и здѣсь. Во многихъ мѣстахъ явился голодъ. Этихъ знаменій было вполнѣ достаточно для суевѣрныхъ людей, которые въ каждомъ ненормальномъ явленіи въ природѣ ли то или въ обществѣ жаждутъ видѣть знаменіе антихриста,—чтобы видѣть и въ этомъ—знаменія его пришествія, а самого антихриста ожидать—въ лицѣ Аполеона.

Наконецъ, Русской землѣ, давно необагренной кровью, пришлось пресытиться ею, какъ нѣкогда во времена монголовъ и литвы. Грозныя наполеоновскія арміи приближались къ границамъ русскимъ.—Самъ Наполеонъ находился еще въ Дрезденѣ, куда со всей Европы стекались на поклоненіе ему коронованныя особы. Въ числѣ ихъ былъ и король прусскій, за котораго еще не такъ давно великодушно хлопоталъ Александръ предъ Наполеономъ. Въ Дрезденѣ Наполеонъ распоряжался какъ у себя дома. Каждый окружавшій его старался предупредить его малѣйшее желаніе, прочесть въ его глазахъ его мысль, чтобы заслужить только его благосклонную улыбку. Раболѣпство здѣсь доходило до смѣшного и жалкаго.

Александръ сдѣлалъ послѣднюю попытку къ примиренію; но все было напрасно. Одинъ безъ союзниковъ, съ теплою вѣрою въ Бога, съ безпредѣльною довѣренностію къ своему народу, Александръ принялъ вызовъ доселѣ непобѣдимаго завоевателя. «Прошу васъ, не робѣйте предъ затрудненіями, писалъ онъ своему главнокомандующему,—полагайтесь на провидѣніе Божіе и Его правосудіе. Не унывайте, но укрѣпляйте вашу душу великою цѣлью, къ которой мы стремимся,—избавить человѣчество отъ ига, подъ коимъ оно стонетъ, и освободить Европу отъ цѣпей». Такъ думалъ Императоръ русскій въ ожиданіи *нашествія двунадесяти языкъ*.

Въ это время Наполеонъ быстро скакалъ къ своимъ войскамъ, которыя наводнили уже Польшу и расположились на границѣ Россіи.

11 іюня, прежде чѣмъ войти въ предѣлы Россіи, Наполеонъ сдѣлалъ смотръ въ Вильковишкахъ. Армія его построилась за городомъ на протяженіи семи верстъ въ длину и трехъ съ половиною въ ширину. Здѣсь было до 600.000 человѣкъ разныхъ національностей.—Въ шесть часовъ утра Наполеонъ выѣхалъ изъ своей квартиры, окруженный блестящимъ штабомъ, состоявшимъ изъ маршаловъ, генераловъ и другихъ сановниковъ. Это былъ маленькій человѣкъ, толстенькій, кругленькій, безпрерывно покачивающійся изъ стороны въ сторону, съ гладкими плотно лежавшими волосами и хотя съ красивыми, но невыразительными чертами лица. Издали лицо его матовой бѣлизны, безъ всякихъ оттѣнковъ, и античный профиль имѣли нѣчто

суровое, но вблизи впечатлѣніе это исчезало. Въ немъ не было той царственно-величественной осанки, какой отличался Александръ. Каждый изъ окружавшихъ его маршаловъ былъ иначе одѣтъ и каждый изъ нихъ лучше другого; золото и серебро, казалось, капало съ нихъ. Изъ всѣхъ выдавался мундиръ неаполитанскаго короля Мюрата, похожій на гусарскій, осыпанный дорогими камнями; на головѣ его была шляпа à Henrie IV, у которой было много драгоцѣнныхъ разноцвѣтныхъ перьевъ, пришпиленныхъ брилліантовой кокардой. Только Наполеонъ одинъ отличался простотой своего костюма: на немъ надѣтъ былъ мундиръ французской гвардіи, синяго цвѣта, съ лентой и звѣздой почетнаго легіона. Зато его лошадь отличалась отъ всѣхъ: бѣлая какъ молоко; сбруя на ней была украшена дорогими камнями, а попона изъ тонкаго багроваго сукна, обсыпанная золотыми орлами, доходила до земли.—Какъ только вся эта знать остановилась предъ гвардіей, грянуло «Vive l'empereur!»—и войско сдѣлало на караулъ. Затѣмъ маршалъ Бертье прочелъ объявленіе войны Россіи и приказъ о вторженіи въ ея предѣлы. Вотъ текстъ этого приказа: «Солдаты! вторая война польская началась. Первая кончилась подъ Фридландомъ и Тильзитомъ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась на вѣчный союзъ съ Франціей и войну съ Англіей. Нынѣ нарушаетъ она клятвы свои и не хочетъ дать никакого изъясненія о странномъ поведеніи своемъ, пока орлы французскіе не возвратятся за Рейнъ, предавъ во власть ея—союзниковъ нашихъ. Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться. Не почитаетъ ли она насъ измѣнившимися? Развѣ мы уже не воины аустерлицкіе? Россія поставляетъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не будетъ сомнителенъ. Пойдемъ же впередъ. Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ русскіе предѣлы. Вторая польская война, подобно первой, прославитъ оружіе французское, но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ, и положитъ предѣлъ пятидесятилѣтнему кичливому вліянію Россіи на дѣла Европы». Въ отвѣтъ на эти слова грянуло снова «Vive l'empereur!» и раздался «генералъ-маршъ».

Увѣренность Наполеона въ успѣхѣ раздѣляли почти всѣ окружавшіе его; офицеры и капралы добивались назначенія въ походъ на Россію, какъ особенной милости. «Мы идемъ въ

Москву, говорили многіе изъ нихъ, прощаясь съ своими знакомыми—до скораго свиданія!» Увы! свиданіе это для многихъ и многихъ состоялось—но только въ другой жизни.

Когда непріятельскія войска приближались къ предѣламъ нашего отечества, нашъ Государь находился при лагерѣ близъ Полоцка. Отсюда 6 іюня былъ изданъ манифестъ къ жителямъ Москвы, въ которомъ находились слѣдующія замѣчательныя слова: «Непріятель идетъ разорять любезное отечество наше. Не можемъ мы оставить безъ предваренія о сей угрожающей опасности, да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Первѣе обращаемся мы къ столицѣ предковъ нашихъ, Москвѣ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защищенія онаго. Мы не умедлимъ сами стать впереди народа своего въ сей столицѣ и въ древнихъ государства нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устремляемыми на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!».

Судьбы Европы находились теперь въ рукахъ двухъ лицъ: Наполеона и Александра.

Съ трепетнымъ ожиданіемъ взирали народы Европы на возгоравшуюся войну. Они желали ее и вмѣстѣ страшились, потому что война эта доложна была освободить ихъ отъ ига, или довершить всемірное владычество Наполеона. Покореніе Россіи было бы предвареніемъ къ величайшимъ измѣненіямъ, которыя когда либо предстояли просвѣщенному міру. На поляхъ нашаго отечества надлежало рѣшиться вопросамъ о гражданской и политической жизни государствъ: быть ли каждому изъ нихъ управляему собственными законами или уложеніемъ Наполеона? Быть ли царствамъ самостоятельными, или превратиться всѣмъ европейскимъ странамъ въ одну общую страну съ одною общею столицей—Парижемъ? Оставаться ли древнимъ царственнымъ родамъ на своихъ вѣковыхъ престолахъ, или уступить ихъ родоначальникамъ новыхъ монархій—маршаламъ Наполеона и корси-

канскимъ выходцамъ?—Лучшій и желательный исходъ дѣла зависѣлъ отъ Александра.

Принявъ вызовъ непобѣдимаго Наполеона, Александръ поставилъ на карту все: и честь Отечества, и благо всей Европы, права которой онъ взялся защищать,—бремя ужасное для одного человѣка, невозможное и невѣроятное для естественныхъ силъ. Но Александръ вѣрилъ въ правоту своего дѣла, а поэтому и въ помощь Божію: *и вѣра его не посрамила его.*

Александръ проводилъ дни и ночи въ трудахъ и безъ сна, совѣщаясь то съ главнокомандующимъ, то съ министрами. Въ то же самое время онъ не переставалъ ободрять народъ русскій и призывать его на защиту отечества. Послѣ манифеста къ жителямъ Москвы, Государь обратился съ воззваніемъ къ народу: «Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему, говорится въ этомъ воззваніи,—а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.»

Невозможно описать, какое впечатлѣніе произвело это воззваніе на народъ, всегда преданный своимъ государямъ и отечеству... Какой-то глухой, подавленный стонъ стоялъ надъ Россіей: казалось, неудовлетворенная злоба, жажда мести боялись высказаться, чтобы не слышать собственнаго стыда. Народное чувство было пробуждено, настроено, страсти воспламенены, какъ это было, вѣроятно, въ «лихолѣтье», во времена нашествія «литвы»—1612 года; женщины вооружались, чѣмъ могли;

бѣднякъ несъ послѣднюю копѣйку на защиту отечества. Посрамленіе земли родной и Церкви—самая злая изъ всѣхъ бѣдъ, и горе врагу, который, въ торжествѣ побѣды, не умѣетъ уважать этого народнаго чувства.

Когда Государь явился въ Москвѣ, грустный, подавленный тяжестью совершавшихся событій, одинъ изъ толпы, посмѣлѣе другихъ, купецъ или мѣщанинъ, подошелъ къ нему и сказалъ: «не унывай! видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи!—Всѣ умремъ за тебя!» Этотъ человѣкъ своими безыскуственными словами передалъ все, что было на сердцѣ у каждаго. Александръ въ этомъ убѣдился вскорѣ. По пути въ Успенскій соборъ народъ кричалъ Государю: «Веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или истребимъ злодѣя!»—«Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только имуществомъ, но и собою»,—отвѣчало купечество на его воззваніе. «Царь! Господь съ тобою!—восклицалъ Августинъ, викарій московскій—при встрѣчѣ Царя въ соборѣ. Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бурѣ, и станетъ въ тишину и умолкнутъ волны водъ потопныхъ! Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ.»—Престарѣлый іерархъ Церкви русской Платонъ благословилъ Государя образомъ преподобнаго Сергія, теплаго предстателя за землю русскую. Въ церквахъ духовенство возносило самыя пламенныя молитвы.

Между тѣмъ Наполеонъ двигался все дальше и дальше въ глубь Россіи. Отчаянныя схватки происходили между отдѣльными отрядами—подъ Витебскомъ и Смоленскомъ. Имена Невѣровскаго, Дохтурова и Раевскаго останутся вѣчно памятными русскому народу, какъ имена героевъ, воскресившихъ славу богатырей Краснаго Солнышка Владиміра. Сами враги наши пришли въ удивленіе и ужасъ, послѣ встрѣчи съ ними. Но это было еще *начало страстемъ*. Впереди было еще Бородино. Барклай-де-Толли, а затѣмъ Кутузовъ, преемственно командовавшіе русской арміей, составили планъ погубить врага у самаго сердца Россіи,—и съ этою цѣлью затягивали его все дальше и дальше въ глубь Россіи. Наполеонъ воображалъ, что онъ можетъ и русскихъ также, какъ австрійцевъ и пруссаковъ, уничтожить однимъ ударомъ и побѣдоносно предписать условіе мира въ столицѣ. Жестоко ошибался онъ. Онъ плохо зналъ русскую

исторію,—характеръ тѣхъ, съ кѣмъ думалъ сражаться. Россія уже разъ видѣла врага въ своей столицѣ. Бородино показало и Наполеону, что̀ были русскіе и чего слѣдуетъ еще ждать ему впереди.

На разстояніи около ста верстъ отъ Москвы, близъ села Бородина, на мѣстѣ, омываемомъ рѣками Москвою и Колочею, Кутузовъ остановился: здѣсь онъ рѣшился дать Наполеону битву, несмотря на превосходство силъ послѣдняго.

Было 25 августа. Весь день русскіе готовились къ битвѣ, какъ къ суду Божію. По полкамъ пронесенъ былъ образъ Смоленской Божіей Матери. Тысячи воиновъ падали ницъ передъ нею и молились. Многіе отказывались въ этотъ день отъ своей порціи водки. «Не къ тому готовимся, говорили они; не такой завтра день». Князь Кутузовъ объѣхалъ войска и говорилъ съ ними просто, но языкомъ, доступнымъ до глубины души. Не время было витійствовать. Огненная черта, означавшая шествіе Наполеона, зарево пожаровъ, каждый вечеръ освѣщавшее небосклонъ, лучшимъ образомъ свидѣтельствовали о злодѣйствахъ враговъ, краснорѣчивѣе приказовъ говорили о мщеніи за оскорбленное отечество. «Надѣюсь на васъ, говорилъ Кутузовъ, обращаясь къ суворовскимъ богатырямъ. Богъ намъ поможетъ; отслужите молебенъ». Единодушное, потрясающее сердце,—ура—сопровождало престарѣлаго вождя отъ одной колонны къ другой.

Солдаты точили штыки, отпускали сабли, артиллеристы передвигали орудія, избирая для нихъ выгоднѣйшія мѣста. Нѣкоторые генералы и полковые начальники говорили солдатамъ о великомъ значеніи наступающаго дня. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Вѣдь придется же умирать подъ Москвою: такъ не все ли равно лечь здѣсь?»

Наступилъ вечеръ; поднялся вѣтеръ и съ воемъ гудѣлъ по бивуакамъ. Съ безупречною совѣстью русскіе дремали вокругъ дымящихся огней. Сторожевыя цѣпи одна другой протяжно пересылали отголоски. На облачномъ небѣ изрѣдка искрились звѣзды. Все было спокойно въ нашемъ лагерѣ. Но ярче обыкновеннаго блистали огни непріятельскіе, и въ станѣ ихъ раздавались восклицанія въ привѣтствіе Наполеону, разъѣзжавшему по корпусамъ. Наполеонъ не щадилъ ни вина, ни громкихъ

словъ, ни улещеній. Его озабочивала только мысль: не отступитъ ли князь Кутузовъ отъ сраженія? Ночью неоднократно посылалъ онъ узнавать: не отходятъ ли русскіе назадъ?—и каждый разъ изъявлялъ радость, когда доносили ему, что огни русскіе горятъ и слышенъ шумъ въ нашемъ лагерѣ. Такъ прошла ночь съ 25 на 26 августа. Глубокая тишина лежала на бородинскомъ полѣ, на которомъ должны были на завтра сойтись русскіе съ французами.

Едва засеребрился востокъ, такъ что можно было различать явственно предметы, Кутузовъ и Наполеонъ были уже на ногахъ. Наполеонъ въ это утро былъ неузнаваемъ: онъ былъ, то молчаливъ и задумчивъ, то вспыльчивъ и говорливъ. На безстрастномъ лицѣ Кутузова не было замѣтно никакого волненія: онъ хладнокровно отдавалъ распоряженія. Когда арміи были построены въ боевой порядокъ,—имъ прочитали воззваніе. «Вотъ столь желанное вами сраженіе!—обращался Наполеонъ въ своемъ воззваніи къ солдатамъ. Побѣда зависитъ отъ васъ; она намъ нужна, и доставитъ изобиліе, спокойныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество! Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, и позднѣйшее потомство съ гордостію будетъ говорить о подвигахъ вашихъ; да скажутъ о васъ: «Онъ былъ въ великой битвѣ подъ стѣнами Москвы!»—Рѣчь Кутузова была кратка; она заканчивалась словами: «за нами Москва!»—Когда показалось солнце, Наполеонъ сказалъ окружающимъ: «это солнце Аустерлица!»

Насталъ страшный моментъ въ нашей исторіи,—въ исторіи человѣчества! Здѣсь долженъ былъ предрѣшиться заданный Европѣ вопросъ: быть или не быть?—Здѣсь, на бородинскомъ полѣ, былъ весь цвѣтъ народонаселенія—отъ устьевъ Таго и подошвы Везувія до отдаленныхъ краевъ Сибири: «тутъ сѣверъ съ западомъ сражался и ударялся громъ о громъ»,—какъ говоритъ одинъ поэтъ.

Столкновеніе непріятелей было самое ожесточенное. Русскіе и французы не уступали другъ другу въ храбрости и самоотверженіи. Враги бросали оружіе, вступали въ рукопашный бой, давили другъ друга въ объятіяхъ и вмѣстѣ падали жертвами. Мѣдь и чугунъ оказывались не достаточными къ смер-

тельному истребленію. Раскаленныя пушки не выдерживали дѣйствія пороха, разрывались и лопались. Пальба огнестрѣльныхъ орудій, звукъ барабановъ, восклицанія побѣдителей, стенаніе раненыхъ, ржаніе лошадей, вопли умирающихъ, произносимые на всѣхъ европейскихъ языкахъ крики, командованіе и проклятія, угрозы, отчаяніе, лютое ожесточеніе сражавшихся превратили поле бородинское въ обитель ада. «Съ нынѣшнимъ днемъ и самое сраженіе при Эйлау сравниться не можетъ»,— сказалъ князю Кутузову Бенигсенъ во время битвы. «Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою,—говорилъ впослѣдствіи Наполеонъ. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе пріобрѣли право назваться непобѣдимыми.» Сраженіе длилось до наступленія ночи. Болѣе 100 тыс. труповъ покрывали бородинское поле. Русскіе лишились здѣсь Багратіона, Кутайсова и многихъ другихъ героевъ. Вѣчная имъ память!

Кутузовъ отступилъ къ Москвѣ. Онъ не хотѣлъ жертвовать остатками арміи, которая рвалась еще помѣриться силами съ врагами, имѣя свои планы на будущее. Пользуясь этимъ, Наполеонъ провозгласилъ побѣду.

Вѣсть о бородинскомъ сраженіи достигла Петербурга въ день св. Александра Невскаго,—въ тотъ часъ, когда Государь находился въ Александро-Невской лаврѣ за обѣдней. Нельзя описать того восторга, который охватилъ всѣхъ присутствующихъ, начиная съ Государя. Россія теперь могла надѣяться на спасеніе. «Рука Господня да будетъ надъ вами и надъ храбрымъ вашимъ воинствомъ, отъ котораго Россія ожидаетъ славы своей и вся Европа своего спокойствія»,—писалъ Государь въ своемъ рескриптѣ Кутузоту, котораго за это дѣло производилъ въ чинъ генералъ-фельдмаршала.

Между тѣмъ какъ Кутузовъ все двигался къ Москвѣ ближе и ближе, Наполеонъ не отставалъ и шелъ по его пятамъ. Сраженія отдѣльныхъ отрядовъ, русскихъ и французскихъ, становились все упорнѣе и упорнѣе, и побѣда, такъ часто улыбавшаяся французамъ, становилась все нерѣшительнѣе и сомнительнѣе. 1 сентября Кутузовъ былъ съ своей арміей въ виду Москвы, въ Филяхъ. Здѣсь долженъ былъ рѣшиться вопросъ: отдавать Москву безъ боя или нѣтъ? Наступила ночь, и кре-

стьянская изба сдѣлалась свидѣтельницей одной изъ трагическихъ минутъ въ жизни Россіи. Роковой вопросъ привелъ въ столкновеніе многихъ генераловъ. Храбрѣйшіе рвались въ бой и не могли помыслить о томъ, чтобы Москва, сердце Россіи, была отдана врагу безъ боя. Болѣе хладнокровные высказывали нерѣшительныя мнѣнія. Совѣтъ длился за полночь. Кутузовъ, сидѣвшій все это время безмолвно, закрывши лицо руками, повидимому, былъ чуждъ всего здѣсь происходившаго. Наконецъ онъ поднялся. Всѣ обратили на него испытующіе взоры. «Съ потерею Москвы, сказалъ въ отвѣтъ всѣмъ Кутузовъ, еще не потеряна Россія, доколѣ сохранена будетъ армія. *Приказываю отступать.* Знаю, что вся отвѣтственность падетъ на меня, но жертвую собой для блага отечества». По свидѣтельству очевидцевъ, Кутузовъ не спалъ всю ночь и нѣсколько разъ плакалъ.

Вѣсть объ оставленіи Москвы какъ громомъ поразила всѣхъ. Москвичи, увѣренные афишками Ростопчина, генералъ-губернатора Москвы въ безопасности, были захвачены совершенно въ расплохъ. Нельзя изобразить того смятенія и ужаса, какіе охватили первопрестольную. Всѣ и все спѣшили за городъ, брали самое необходимое, оставляя самое дорогое. Длинные обозы съ женщинами, дѣтьми, пожитками потянулись по ярославской, владимірской и рязанской дорогамъ. Москва быстро опустѣла. Осталось самое незначительное число жителей, которымъ или нечего было спасать, или некуда было дѣваться. Въ то же самое время и армія наша стала отступать къ рязанской дорогѣ.

По мѣрѣ того, какъ наши войска отступали за Москву, войска французовъ приближались къ ней. За Дорогомиловской заставой остались только казаки нашей цѣпи, когда французскій авангардъ вступалъ на высоты Поклонной горы, съ которой открылся великолѣпный видъ на Москву, широкораскинувшуюся и своими золотыми маковками блиставшую подъ яркими лучами солнца.

Было около двухъ часовъ пополудни. Тысячами различныхъ цвѣтовъ блисталъ этотъ городъ. При этомъ зрѣлищѣ французскими войсками овладѣла радость; они остановились и закричали: Москва, Москва!—Затѣмъ всякій усиливалъ шагъ,

всѣ смѣшались въ безпорядкѣ, били рука объ руку, съ восторгомъ повторяя: Москва, Москва!—Такъ кричатъ моряки: земля, земля!—послѣ долгаго и мучительнаго плаванія. «При видѣ этого позлащеннаго города, говоритъ одинъ французъ въ своихъ мемуарахъ,—этого блестящаго узла, соединяющаго Европу и Азію, этого величественнаго средоточія, гдѣ соединялись роскошь, нравы и искусство двухъ лучшихъ частей свѣта, мы остановились въ гордомъ созерцаніи. Насталъ, наконецъ, день славы; въ нашихъ воспоминаніяхъ онъ долженъ былъ сдѣлаться лучшимъ, блестящимъ днемъ всей жизни. Мы чувствовали, что въ это время обращены взоры всего міра на наши дѣйствія, и каждое малѣйшее движеніе будетъ имѣть значеніе въ исторіи». Въ это время императоръ Наполеонъ со свитою въѣхалъ на Поклонную гору. «La voilà donc enfin cette fameuse ville!»—«Наконецъ, вотъ этотъ знаменитый городъ», воскликнулъ онъ;—«да и пора уже!»—Его лицо сіяло радостью, потому что былъ увѣренъ, занявъ Москву, заключить миръ, какой ему будетъ угодно.

Наполеонъ долго смотрѣлъ въ зрительную трубку какъ на Москву, такъ и на ея окрестности, по которымъ двигались его войска. Онъ сошелъ съ коня, велѣлъ разослать передъ собой карту Москвы и подозвавъ къ себѣ одного изъ секретарей, знавшаго по русски и прежде знакомаго съ Москвой, сталъ распрашивать его... Вслѣдъ за тѣмъ, онъ и окружавшіе его сѣли на лошадей и понеслись къ Москвѣ. Въ то же мгновеніе авангардъ и часть стоявшей позади его главной арміи, съ невѣроятнымъ стремленіемъ, конница и артиллерія поскакали во весь опоръ. Пѣхота бѣжала бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрипъ колесъ, трескъ оружія смѣшивались съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, сливались въ дикій и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся густымъ столбомъ пыли, и вся земля какъ бы заколебалась и застонала отъ такого движенія. Чрезъ какія нибудь двѣнадцать минутъ всѣ очутились у Дорогомиловской заставы. При громѣ восклицаній: «да здравствуетъ императоръ!»—обрадованнаго войска, достигнувшаго конечной цѣли похода, Наполеонъ сошелъ съ коня и по лѣвой сторонѣ Камеръ-Колежскаго вала началъ ходить взадъ и впередъ—въ ожиданіи депутаціи отъ московскихъ гражданъ и поднесенія

ключей отъ столицы,—между тѣмъ какъ войско съ музыкой вступало въ городъ. Каково жъ было его удивленіе, когда ему доложили, что Москва оставлена жителями... «Что за сказки!»—воскликнулъ Наполеонъ. «Москва оставлена жителями!—Какое невѣроятное событіе!—надо его обдумать. Подите приведите мнѣ бояръ»!

«Онъ былъ чрезвычайно изумленъ, говоритъ одинъ французъ въ своихъ запискахъ, и впалъ въ «самозабвеніе». Ровные и до того времени спокойные шаги его вдругъ становятся скоры и безпорядочны. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляетъ платье, останавливается, вздрагиваетъ, недоумѣваетъ, беретъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, вынимаетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ, потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ опять, опять снимаетъ перчатку и торопливо надѣваетъ ее, и это повторяется нѣсколько разъ». Нѣсколько успокоившись, онъ снова сѣлъ верхомъ и въѣхалъ въ городъ вслѣдъ за авангардомъ, между тѣмъ какъ другія войска обходили Москву съ правой и лѣвой стороны.

Въ то время, когда все это совершалось на одномъ краю Москвы, куда вела смоленская дорога, на другомъ краю, откуда шла дорога въ Рязань и Владиміръ, отступали отставшія войска и обозы нашей арміи, а потомъ арьергардъ и толпа москвичей съ пожитками. Глубокое мертвое безмолвіе царствовало въ остальныхъ частяхъ города; никого не было на улицахъ; оставшіеся жители заперлись въ домахъ.

Не смотря на повторявшіяся извѣстія, что Москва оставлена жителями, на пожары, начавшіеся съ этого вечера въ разныхъ мѣстахъ, императоръ утромъ на другой день торжественно въѣхалъ въ Москву и помѣстился въ кремлевскомъ царскомъ дворцѣ. Отъ Дорогомиловскаго моста онъ слѣдовалъ по Арбату и Боровицкими воротами въѣхалъ въ Кремль. «Pas un homme, quel peuple, c'est imaginable!» «ни одного человѣка. Что за народъ, это невѣроятно»—воскликнулъ онъ. Улицы были пусты, окна и двери домовъ были заперты.—Наполеонъ ѣхалъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ; за нимъ многочисленная свита и три русскихъ плѣнныхъ, а впереди два эскадрона конной гвардіи. Выраженіе лица его было су-

рово; но оно прояснилось нѣсколько, когда онъ вошелъ въ кремлевскій дворецъ. «Вотъ, эти гордыя стѣны! сказалъ онъ, увидавъ кремль, и потомъ войдя во дворецъ: «Je suis donc enfin dans Mosqou, dans l'antique palais de czars, dans le Cremlin!» «Наконецъ, я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ».—«Посмотримъ, говорилъ онъ окружавшимъ его лицамъ,—посмотримъ, что будутъ дѣлать русскіе. Если они еще не войдутъ въ мирные переговоры съ нами, мы сдѣлаемъ свое дѣло; представимъ міру невиданное явленіе спокойно зимующей арміи посреди враждебнаго ей народа, окружающаго ее со всѣхъ сторонъ. Наши зимнія квартиры обезпечены. Французская армія, пребывающая въ Москвѣ, будетъ походить на корабль, обхваченный льдинами... Но съ возвращеніемъ весны мы снова начнемъ войну».—«Впрочемъ до этого не дойдетъ; *Императоръ Александръ не доведетъ меня до этого.* Мы взойдемъ съ нимъ въ соглашеніе и онъ подпишетъ миръ.

Наполеонъ жестоко ошибался. Русскій народъ и русскій Царь уже давно рѣшили, что имъ дѣлать. «*Не положу оружія,* сказалъ Царь, при вѣсти о взятіи Москвы,—*не положу оружія, доколѣ не отомщу».* Если у меня не останется ни одного воина, я созову свое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, и самъ буду предводительствовать ими. Истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, *нежели подпишу постыдныя условія! Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ».*—Отвѣтъ Царя былъ отвѣтомъ и народа русскаго, который, послѣ взятія Москвы и поруганія ея святыни, пришелъ въ страшное озлобленіе противъ французовъ. Месть русскаго народа за оскорбленіе отечества и религіи началась еще въ самой Москвѣ.

Начались пожары. «Море огня разлилось по всѣмъ частямъ города, пишетъ одинъ изъ очевидцевъ—французъ. Пламя, волнуемое вѣтромъ, совершенно походило на морскія волны, воздвигаемыя бурею. Казалось, къ дѣятельности поджигателей присоединилось и божественное мщеніе—до такой степени этотъ пожаръ казался сверхъестественнымъ». «Огненныя волны, говоритъ русскій очевидецъ, находившійся въ арьергардѣ русской арміи, отступавшей отъ Москвы къ Рязани, огненныя

волны восходили до небесъ, а черный густой дымъ, клубясь по небосклону, разстилался до насъ... Тогда всѣ мы невольно содрогались отъ удивленія и ужаса». Пожаръ продолжался нѣсколько дней. Потоки огня приближались къ Кремлю, гдѣ помѣстился Наполеонъ. «Изъ оконъ дворца, все замоскворѣчье, объятое пламенемъ, представлялось взволнованнымъ огненнымъ моремъ. Несмотря на значительное пространство, отдѣляющее отъ кремлевскаго дворца этотъ пожаръ, оконныя стекла во дворцѣ накалились до такой степени, что къ нимъ едва можно было прикасаться. Поставленные на кровляхъ солдаты едва успѣвали тушить искры и головни, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ на дворецъ».

Возраставшая сила пожара и извѣстія о поджигателяхъ усиливали тревогу императора Наполеона. Ему не хотѣлось, только что помѣстившись во дворцѣ русскихъ царей, немедленно его оставить... Наконецъ, распространившійся слухъ, что подъ Кремлемъ устроены мины и раздавшійся повсюду крикъ: Кремль горитъ!—заставили упрямаго Наполеона, не подвергаясь риску быть изжарену, съ опасностію для собственной жизни, искать спасенія въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. «Сильный пожаръ жегъ наши глаза, говоритъ одинъ изъ спутниковъ бѣжавшаго изъ Кремля Наполеона,—но мы не могли сомкнуть ихъ и должны были пристально смотрѣть на опасность. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отовсюду пламя спирали наше дыханіе, короткое, сухое, стѣсненное и подавленное дымомъ. Наши руки обжигались, защищая лице отъ ужаснаго жара и отстраняя искры, осыпавшія и прожигавшія платье». Наполеонъ помѣстился въ Петровскомъ дворцѣ, внѣ опасности.

Вскорѣ «великая армія» почувствовала голодъ. Съѣстныхъ припасовъ въ Москвѣ оказалось менѣе, чѣмъ предполагали: большая часть была истреблена жителями и пожаромъ.

Страшная година настала для французовъ. Партизаны русскіе заперли французовъ въ обгорѣлой Москвѣ и навели на нихъ такой страхъ, что они не иначе отправлялись за добычей, какъ подъ прикрытіемъ значительныхъ отрядовъ. Казаки появлялись уже и въ самой Москвѣ. Со времени потери Москвы началась *народная война*. Народонаселеніе мѣстностей, объятыхъ пламенемъ войны, ополчалось поголовно; даже дряхлые старики

и слабыя дѣти вооружались на защиту отечества; нерѣдко и женщины выходили на поиски за непріятелемъ. Россія превратилась въ огромный военный станъ. Армія русская, доселѣ отступавшая, приняла обратное движеніе. Начались стычки и пораженіе французовъ. Между тѣмъ голодъ между французами часъ отъ часу усиливался. Они уже начали питаться чѣмъ попало и гибли отъ болѣзней. Нарушеніе дисциплины стало повторяться чаще и чаще. Все это не могло быть сокрыто отъ Наполеона,—и вотъ этотъ гордый завоеватель, собиравшійся еще не такъ давно предписать Александру условія мира *на всей своей волѣ*, самъ заговорилъ о мирѣ и послалъ къ Кутузову для переговоровъ объ этомъ Лористона. Но теперь было уже поздно. Кутузовъ былъ «сѣдъ» для того, чтобы «сѣрый» могъ провесть его. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что ему запрещено произносить слово «миръ»,—что *война еще только начинается*, а не кончается. Наполеонъ обратился непосредственно къ Александру—съ собственноручнымъ письмомъ. Но Александръ даже и не отвѣчалъ.

Началось *отступленіе* великой французской арміи. Наполеонъ рѣшился оставить первопрестольную. Въ безсильной злобѣ на русскихъ, онъ приказалъ маршалу Мортье, по сигналу, взорвать Кремль и другія зданія. 10 октября французы цѣлый день взрывали понтонные и зарядные ящики и вывозили изъ госпиталя больныхъ. Смятеніе французовъ было чрезвычайное; у Тверской части появились уже казаки; нѣкоторые французскіе генералы, остававшіеся еще въ Москвѣ, просто бѣжали, не успѣвъ захватить свою добычу и взять съ собою даже нужные планы и бумаги.

Надъ Москвою, по сказанію очевидцевъ, висѣла темная, непроглядная ночь, и вдругъ за Калужской заставой грянула пушка, у каменнаго моста отозвалась другая,—въ Кремлѣ, при блистающей молніи, разразился третій выстрѣлъ. Послѣ этого наступило глубокое затишье; всѣ изумились, услыхавъ эти выстрѣлы; думали, что французы опять воротились въ Москву, но дѣло скоро пояснилось: чрезъ нѣсколько времени раздался такой оглушительный трескучій ударъ, отъ котораго заколебалась земля, застонала даль, задрожали и обрушились дома, въ дребезги разбились стекла, вылетѣли оконницы, бревна и камни полетѣли по воздуху. Эти взрывы и удары съ перекатами

повторялись нѣсколько разъ. Запламенѣло небо, будто покрытое красною фольгою, къ нему брызнули фонтаны искръ, подъ Кремлемъ разверзлось огнедышащее жерло и, среди мрака, ярко обрисовывались силуэты кремлевскихъ зданій и блестящіе кресты соборовъ. Отъ страха и ужаса всѣ жители попадали ницъ. Послѣдніе удары возвѣстили жителямъ окончаніе и начало окончательнаго бѣгства послѣднихъ остатковъ французскаго войска изъ Москвы.

«Дивенъ Богъ во святыхъ Его,—такъ начиналъ свое донесеніе, по этому случаю, генералъ Иловайскій,—дивенъ Богъ во святыхъ Его! Стѣны кремлевскія и почти всѣ зданія взлетѣли на воздухъ, а соборы и храмы, вмѣщающіе мощи святыхъ, остались цѣлы и невредимы, въ знаменіе милосердія Господня къ Царю и царству Русскому».

Ужаснымъ казалось въ эти знаменательные дни состояніе Москвы. Высокіе храмы, съ позолоченными куполами, боярскія палаты,—все это или изчезло, или исказилось, являло на себѣ клеймо пожара и представляло груду развалинъ. Въ иномъ мѣстѣ стояли стѣны безъ кровель и обезглавленные церкви, въ другомъ мрачно чернѣлись закоптѣлыя трубы и печи, какъ остовы, или представлялись пепелища домовъ, еще курящіяся и издававшія страшный смрадъ; во многихъ мѣстахъ валялись дохлыя лошади и другія животныя, между которыми находились и человѣческіе трупы. Между развалинами зданій, какъ привидѣнія, двигались жители Москвы, отыскивая себѣ пищу и жилища. Весь Кремль былъ засѣянъ мусоромъ, каменьями, сѣномъ, соломой, человѣческими и конскими трупами и даже разбросанными по землѣ иконами. Картина была поражающая и невыносимо-грустная.

Когда все, происходившее здѣсь, стало извѣстно войскамъ, вопль и негодованіе вырвался у всѣхъ; оскорбленное въ своей исторической святынѣ, чувство народа требовало возмездія. «Потушимъ кровью непріятельскою пожаръ Москвы»—сказалъ въ отвѣтъ на все Кутузовъ. Устами Кутузова говорило все войско и весь народъ.

Началось преслѣдованіе французовъ. Всякій день стали приходить въ главную квартиру извѣстія, что французы, то здѣсь, то тамъ—разбиты, бѣжали. Наполеонъ, чтобы спасти

свою армію, хотѣлъ идти другой дорогою, на Калугу. Кутузовъ загородилъ ему путь и принудилъ своротить на смоленскую дорогу, на которой все было разорено самими же французами. Начались страшныя пораженія французской арміи. Мало-Ярославецъ, Вязьма, Красное и др.—были свидѣтелями этихъ пораженій. Въ окрестностяхъ Смоленска было истреблено столько враговъ, что отъ великой арміи Наполеона остались одни жалкіе призраки.

Фіалъ гнѣва Божія яростно изливался на нихъ. Сама природа возстала. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ заморозы по ночамъ становились чувствительны для не привыкшихъ къ холоду, легко одѣтыхъ непріятельскихъ войскъ. Небо задергивалось сѣрыми тучами, заморосили дожди, задули осенніе вѣтры, выпалъ мелкій снѣгъ, предвѣстникъ непогодъ,—наконецъ хватили и самые морозы,—русскіе морозы, крѣпкіе... Плохо одѣтая армія Наполеона стала страдать ужасно.

Во главѣ всѣхъ войскъ шелъ самъ Наполеонъ съ гвардіей, за нимъ Жюно и Понятовскій, потомъ вице-король Мюратъ и Ней; Даву заключалъ маршъ. Наполеонъ постоянно торопилъ свои войска: ему казалось, что все еще идутъ медленно; онъ страшно сердился за это на своихъ маршаловъ.

Французы покидали на дорогѣ раненыхъ, больныхъ, тяжести. Холодный вѣтеръ дѣлалъ непріятелямъ биваки нестерпимыми, и рано, гораздо прежде зари, выгонялъ ихъ изъ ночлеговъ. Въ потемкахъ снимались они съ лагеря и освѣщали путь свой фонарями. Всѣ роды войска старались обгонять другъ друга. При переходѣ черезъ плотины и мосты не было соблюдаемо никакого порядка, отчего загромождались они обозами, препятствовавшими движенію войскъ. Цѣны на жизненные припасы, теплую одежду и обувь увеличивались съ каждымъ днемъ и часомъ. Взятые изъ Москвы и находившіеся на людяхъ запасы были скоро съѣдены, начали употреблять въ пищу лошадиное мясо. Сворачивать съ дороги, для добыванія продовольствія, было невозможно, потому что казаки рыскали по сторонамъ, кололи и брали всѣхъ, кто ни попадался. Слово «le casaque», произнесенное даже и совершенно случайно, наводило паническій страхъ и все моментально приходило въ страшное замѣшательство и суматоху. Къ казакамъ присоеди-

нились на подмогу и крестьяне изъ ближайшихъ деревень. Иной былъ съ косою и большимъ гвоздемъ, утвержденнымъ на древкѣ, другой со штыкомъ, прикрученнымъ къ дубинѣ, третій съ рагатиной, немногіе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Въ таковомъ положеніи была непріятельская армія въ первые четыре дня своего марша на Вязьму. Чѣмъ далѣе и далѣе, положеніе ея становилось все хуже и хуже; русскія войска по пятамъ преслѣдовали ее. Крестьяне становились все смѣлѣе и неистовѣе; начали и бабы, однѣ, выходить съ ухватами на французовъ.

Вся дорога отъ Смоленска и особенно отъ Краснаго до Орши и далѣе къ Борисову представляла такое же ужасное зрѣлище, какъ и дорога отъ Вязьмы къ Смоленску, если не болѣе. Она покрыта была изломанными повозками, зарядными ящиками, брошенными орудіями и ружьями, мертвыми лошадьми, убитыми или умершими отъ ранъ и замерзшими непріятелями. Значительныя пространства были покрыты мертвыми тѣлами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили сраженія; между ними было много умирающихъ, вокругъ которыхъ бродили толпами или порознь оборванные, обросшіе бородами, полузамерзшіе, закоптѣлые отъ дыма бивуачныхъ костровъ, бросившіе оружіе, несчастные воины великой арміи... Стаями носились каркающіе вороны и другія хищныя птицы въ этихъ мѣстахъ смерти и ужаса, а по ночамъ, на смѣну имъ, являлись массы волковъ и своимъ жалобнымъ воемъ наполняли окрестности... Зрѣлище, по истинѣ, тяжелое, хватающее за сердце!

Завоеватели Москвы представляли теперь толпу привидѣній, покрытыхъ рубищами, въ женскихъ шубахъ, капотахъ, повойникахъ, окутанныхъ клочками ковровъ, грязными и прожженными шинелями, съ ногами, обутыми во всевозможное тряпье... По свидѣтельству епископа Буткевича, въ одномъ изъ полковъ великой арміи,—въ конноегерскомъ,—почти всѣ были одѣты въ церковныя ризы,—вѣрное доказательство грабежа православныхъ церквей. У полковника Дульфуса и другихъ было очень много добычи, состоявшей по преимуществу изъ дорогихъ церковныхъ предметовъ, какъ-то иконъ, украшенныхъ дорогими камнями, золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и пр. Но эта добыча не могла помочь горю: было золото, да не было хлѣба!—

«Это участь моя,—писалъ Кутузовъ еще изъ подъ Смоленска своимъ роднымъ,—это участь моя, чтобы видѣть непріятеля безъ пропитанія, питающагося дохлыми лошадьми, безъ соли и хлѣба. Турецкіе плѣнные извлекали часто мои слезы; о французскихъ хотя и не плачу, но не люблю видѣть этой картины. Вчера нашли въ лѣсу двухъ, которые жарятъ и ѣдятъ третьяго своего товарища. А что съ ними дѣлаютъ мужики!» Такъ писалъ Кутузовъ изъ подъ Смоленска,—а что было за Смоленскомъ, о томъ уже не лѣть есть и глаголати. «Ежеминутное зрѣлище страждущаго человѣчества, говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ,—истощало состраданіе и самое чувство сожалѣнія притупляло. Каждый изъ этихъ несчастныхъ, въ глазахъ подобныхъ ему, казалось, переставалъ быть человѣкомъ. Претерпѣваемыя страданія были общія, бѣдствіе свыше всякаго воображенія. Не имѣя средства подать помощь, мы видѣли въ нихъ жертвы, обреченныя на смерть.

При Березинѣ арміи Наполеона было нанесено окончательное пораженіе. Березина была, въ полномъ смыслѣ слова, запружена трупами, орудіями, повозками и т. п. По показанію очевидцевъ, у непріятеля, послѣ березинской переправы, оставалось не болѣе десяти тысячъ войска, способнаго носить оружіе,—и это отъ *шестисотъ тысячной арміи!* Въ Вильнѣ Наполеонъ постыдно бросилъ остатки своей жалкой арміи на произволъ судьбы и русскихъ, и въ жидовскихъ санкахъ ускакалъ въ Парижъ. Онъ старался казаться веселымъ и сквозь слезы, конечно, шутилъ. «Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ»—сказалъ онъ полушутя, полууспокоительно своему послу при вѣнскомъ дворѣ. Увы!—Это была горькая правда.

Во всей этой кровавой трагедіи, разыгрывавшейся на русской сценѣ, Императоръ Александръ принималъ самое дѣятельное участіе. Государь былъ средоточіемъ, въ которое стекались донесенія главнокомандующихъ и отдѣльныхъ начальниковъ, и откуда исходили къ нимъ повелѣнія. Каждаго изъ нихъ Императоръ поставлялъ въ извѣстность о томъ, что дѣлалось въ другихъ частяхъ театра войны. Доходило ли до его свѣдѣнія какое либо важное или любопытное извѣстіе, тотчасъ неслись отъ него фельдъегеря къ главнокомандующимъ съ предположеніями о послѣдствіяхъ, какія могли произойти на основаніи полу-

ченныхъ свѣдѣній, мѣрахъ, какія должно было предпринять. Онъ не ограничивался одними повелѣніями арміямъ, военному министру, отдѣльнымъ корпуснымъ командирамъ, но самъ собственноручно велъ переписку съ генералъ-кригсъ-коммисаромъ, съ начальниками резервовъ, оружейныхъ заводовъ, губернскихъ ополченій, съ гражданскими губернаторами, даже съ отдѣльными небольшими рекрутскими командами. Дѣятельность его превосходила всякое вѣроятіе. Онъ мысленно носился по всѣмъ концамъ Имперіи, стараясь воспламенять сердца подданныхъ, находить средства отомстить за оскорбленную честь отечества.

Едва открылась возможность, онъ полетѣлъ къ своей арміи, чтобы дѣлить съ нею и радость, и страданія. Каждому попадавшемуся на пути французу Александръ подавалъ посильную помощь, нѣкоторыхъ сажалъ съ собою въ сани: «вѣдь лежачаго, хоть и врага,—не бьютъ». «Государь не бережется, писалъ Кутузовъ своимъ роднымъ,—ѣздитъ въ госпитали, гдѣ французы тысячами лежатъ въ гнилыхъ горячкахъ и антоновомъ огнѣ. Мы его просили, но онъ не слушаетъ».

Такъ кончилась война *двѣнадцатаго года* для русскихъ. 25 декабря, въ день Рождества Христова, мы свѣтло торжествовали свою побѣду надъ *дванадесятью языками* и въ порывѣ благоговѣйнаго восторга воспѣвали: «*Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ*!»

IV.

Конченная благополучно для Россіи война не была еще, однако, окончена для Европы, которая съ замираніемъ сердца смотрѣла на все происходившее у насъ, и ожидала своего освобожденія. Александръ, объявивъ себя, въ началѣ войны, за «права человѣчества», считалъ теперь своей обязанностью сдержать и предъ Европой свое слово такъ же, какъ сдержалъ его предъ Россіей. По этому самъ сталъ во главѣ своей храброй арміи и, несмотря на зимнее время года, приказалъ Кутузову перейти границу и идти въ Германію.

Могущество Наполеона, глубоко потрясенное нашею отечественною войною, не было, однакожъ, совершенно сокрушено ею. Являясь бѣглецомъ изъ Россіи, онъ все еще повелѣвалъ

западною Европою. Отъ лѣваго берега Нѣмана до Атлантическаго океана и Средиземнаго моря, всѣ земли или находились у него въ непосредственной зависимости, или соединены были съ нимъ союзами. Нравственная сила его,—слѣдствіе прежнихъ побѣдъ, еще вполнѣ ослѣпляла умы. Убѣжденіе въ его непобѣдимости было такъ велико, что въ Европѣ долго не хотѣли вѣрить тѣмъ слухамъ — о пораженіяхъ, какіе приходили изъ Россіи. Поэтому, когда русскія войска перешли границу, многіе долго не отваживались подняться въ союзѣ съ Россіей противъ своего угнетателя. Самъ Наполеонъ вѣрилъ еще въ свое счастіе, въ свои силы, въ побѣду. Новой борьбы, новой побѣды, которая смыла бы пятно съ его воинской чести, жаждалъ онъ и тратилъ всю свою кипучую дѣятельность на собраніе новой арміи.

Среди такихъ обстоятельствъ, одинъ Александръ, изъ всѣхъ враговъ Наполеона, не терялъ присутствія духа и энергіи. Въ уповаціи, что правое дѣло осѣнится благословеніемъ Божіимъ, что русское воинство, стяжавшее уже себѣ славу на поляхъ бородинскихъ, удержитъ за собою первенство въ новой борьбѣ съ Наполеономъ, онъ смѣло шелъ на встрѣчу врагу, призывая и Европу къ общему ополченію. Фельдмаршалъ отъ имени Государя издалъ воззваніе ко всѣмъ народамъ Европы. Въ немъ онъ объявлялъ, что Государь, «вѣрный всегдашнему своему правилу, не побуждается никакими видами завоеванія». Даже послѣ великихъ успѣховъ, коими Провидѣніе благословило его праведныя усилія, умѣренность его остается неизмѣнна и имѣетъ цѣлію независимость государствъ и миръ и пр.

Пруссія, послѣ нѣкотораго колебанія, первая присоединила свои войска къ русскимъ. Хотя первыя битвы подъ Люценомъ и Бауценомъ были и насчастны для союзниковъ, однакожъ они не теряли энергіи. Вскорѣ къ нимъ присоединились Австрія, Англія и Швеція. Въ битвахъ при Дрезденѣ, Кульмѣ и Кацбахѣ—перевѣсъ былъ на сторонѣ союзниковъ. Большая битва подъ Лейпцигомъ, длившаяся два дня, показала Наполеону, что звѣзда его стала меркнуть, что побѣда его оставляетъ; онъ здѣсь потерялъ почти половину своей арміи.—Эта битва, освободившая Германію отъ наполеоновской тираніи, открыла русскимъ свободный путь до самого Парижа. Тщетно Наполеонъ напрягалъ всѣ свои усилия собрать новую армію и отразить непріятеля:

союзныя арміи, съ Александромъ во главѣ, побѣдоносно подвигались къ Парижу. Весною 1814 г. въ то время, когда поля Бородина, Тарутина, Краснаго—вновь зазеленѣли и на пепелищахъ отъ Москвы до Нѣмана воскресали города и села,—Императоръ Александръ съ своими войсками былъ уже въ предѣлахъ Франціи. Вступая во Францію, онъ объявилъ, что воюетъ съ Наполеономъ, а не съ націей французской, и что цѣль войны освободить человѣчество отъ его ига, успокоить Европу, дать прочный миръ.

17 марта, съ горы Сенъ-Шамонъ, предъ русскими открылась чудная картина... Парижъ былъ весь, какъ на ладони, со всѣми своими огромными зданіями... Что должны были чувствовать русскіе въ виду этого величественнаго города, этого центра европейской цивилизаціи,—трудно сказать... Готовыя на приступъ, густыя колонны русскихъ войскъ, опершись на ружья, еще неостывшія отъ французской крови, безмолвно и въ сознаніи непобѣдимости ожидали приказанія истребить Парижъ или войти въ него мирными побѣдителями. Нѣкоторые, однакожъ, не могли сдерживать своихъ чувствъ и восклицали при видѣ Парижа: «здравствуй, батюшка Парижъ! А какъ ты расплатишься за нашу матушку Москву!»—Но въ этихъ восклицаніяхъ было болѣе добродушія и веселаго юмора, чѣмъ злобы и мести. Русскіе скоро забываютъ причиняемыя имъ обиды и немстительны!

Наполеонъ, оставляя Парижъ, поручилъ защиту его маршаламъ Мормону и Мортье. Эти послѣдніе, вѣрные присягѣ своему государю, несмотря на слабость гарнизона, защищали его до послѣдней крайности. Посылая князя Орлова для переговоровъ о сдачѣ Парижа, 18 марта, Александръ сказалъ ему: «волею или неволею, на штыкахъ или параднымъ маршемъ, на развалинахъ или въ золотыхъ палатахъ,—надо чтобы Европа сегодня же ночевала въ Парижѣ». Маршалы отказались вступать въ переговоры о мирѣ. Тогда предоставлено было рѣшить дѣло оружію. Французы сражались съ обычнымъ мужествомъ, но къ вечеру они были сбиты на всѣхъ пунктахъ. Съ высотъ Бельвиля и Монмартра наведено было болѣе сотни русскихъ орудій. Одно слово Александра—и Парижъ могъ быть превращенъ въ груду развалинъ. Но Александръ былъ не Наполеонъ. Парижъ капи-

тулировалъ. Орловъ снова былъ посланъ для заключенія договора. Статьи, подписанныя имъ о сдачѣ города, не опредѣляли, однакожъ, участи города. Поэтому, парижане отправили вмѣстѣ съ Орловымъ депутацію о пощадѣ города.

Заря занималась, когда депутація съ Орловымъ въѣхала въ Донди, гдѣ была квартира Императора. Она проѣзжала среди русскихъ бивуаковъ, являвшихъ самое оживленное зрѣлище; послѣ кратковременнаго отдыха, наши солдатики только что начинали вставать при свѣтѣ безчисленныхъ огней и чистили ружья, приготовляясь торжествовать послѣдній актъ страшной борьбы, только что приведенной къ концу. Когда Орловъ, прибывши съ депутатами, вошелъ въ спальню къ Императору, Государь спросилъ его: «какія вѣсти привезъ ты мнѣ?»—«Капитуляцію Парижа»—отвѣчалъ Орловъ. «Значитъ тяжба человѣчества выиграна»—промолвилъ про себя Императоръ.

На другой день Парижъ встрѣчалъ своего великодушнаго врага и его армію самымъ необычайнымъ образомъ: окна, крыши, тротуары, все было залито движущейся массой народа, которая кричала, махала платками,—по мѣрѣ прохожденія Государя... Государь ѣхалъ въ сопровожденіи короля прусскаго, окруженный блестящею свитою изъ генераловъ и множества офицеровъ... Неумолкавшіе крики и возгласы привѣтствій продолжались по всему пути. «Vive Alexandre, vive l'empereur Alexandre!» раздавалось теперь всюду въ честь нашего Государя. Государь не успѣвалъ раскланиваться. Когда Александръ явился въ театръ, то музыка по крайней мѣрѣ разъ семь начинала арію, прерываемую общими криками публики. Одинъ изъ актеровъ, отъ имени публики, привѣтствовалъ его между прочимъ слѣдующимъ куплетомъ:

Vive Alexandre!
Vive ce roi des rois!
Sans rien prétendre,
Sans nous dicter de lois.—

т. е. «да здравствуетъ Александръ; да здравствуетъ царь царей, ничего не требующій, не предписывающій намъ законовъ» и проч. Какая удивительная разница между встрѣчей Наполеона въ столицѣ Александра и Александра въ столицѣ Наполеона!

Оставленный всѣми, и даже самимъ маршаломъ Неемъ, однимъ изъ ближайшихъ друзей, Наполеонъ принужденъ былъ отказаться отъ престола Франціи. Это было въ Фонтенебло. Ударъ для его самолюбія необычайный: онъ хотѣлъ отравиться, но ядъ не дѣйствовалъ. Тогда, повидимому съ покорностью судьбѣ, отправился онъ на островъ Эльбу, который союзные государи назначали ему мѣстопребываніемъ и какъ бы въ ленъ.

Александръ стоялъ теперь на такой высотѣ величія и славы, какой когда либо достигалъ человѣкъ. Врагъ, да еще какой!—былъ побѣжденъ и совершенно обезсиленъ. Онъ былъ *освободителемъ почти всей Европы,* и Европа не съ ужасомъ, внушаемымъ завоевателями, но съ благодарностью и покорностью ожидала отъ него своего устройства. Любовь къ нему доходила до обожанія. Всюду, гдѣ ни показывался онъ, его встрѣчали съ тріумфомъ и благожелательными привѣтствіями. Оваціямъ и восторгамъ не было конца.

V.

Но если появленіе его повсюду въ Европѣ встрѣчало восторженный пріемъ, то чего же онъ долженъ былъ ожидать въ Россіи, въ столицахъ Имперіи? Никакое перо не въ состояніи этого выразить: вездѣ по пути приготовлены были тріумфальныя арки, торжественныя встрѣчи, хвалебные гимны—въ честь «Бѣлаго Царя, ѣздившаго изъ своей земли далеко—злобу поражать»; депутаты отъ народа, купечества и дворянства ждали только знака, чтобъ повергнуться къ стопамъ Великаго Государя, побѣдителя, съ выраженіемъ безпредѣльной преданности, любви и благодарности; Сенатъ, св. Синодъ и Государственный Совѣтъ просили его принять имя «Благословеннаго», которымъ уже назвала его вся Россія и Европа, и—дозволить воздвигнуть памятникъ дѣламъ его. Но Александръ отклонилъ отъ себя всѣ почести, всѣ торжества, готовившіяся въ честь его, предоставивъ все это арміи своей и сподвижникамъ своимъ, самъ удалился въ уединеніе, въ свое любимое «Село». «Все совершилось отъ Бога, сказалъ Государь впослѣдствіи москвичамъ. Одинъ Богъ силенъ былъ сдѣлать, что мы превзошли всѣхъ славою»,—и въ чувствахъ глубокаго смиренія приказалъ выбить медаль съ

надписью: «не намъ, не намъ, а имени Твоему, Господи, слава».— Какъ великъ онъ въ этомъ своемъ смиреніи!

После низложенія Наполеона и ссылки его на островъ Эльбу, и возстановленія династіи Бурбоновъ, которая обѣщала Александру править Франціей на конституціонныхъ началахъ, Александръ рѣшился вложить свой мечъ въ ножны и приняться за мирныя дѣла, за устроеніе потрясенной предшествующими событіями, Европы. Но этого къ несчастію сейчасъ не случилось. Тотъ—кто, повидимому, теперь долженъ былъ всего менѣе разсчитывать на сочувствіе Европы и Франціи, думалъ иначе: низложенный, опозоренный въ своей военной славѣ, Наполеонъ все еще мечталъ объ императорской коронѣ и съ удивительною смѣлостію сталъ дѣйствовать. Онъ бѣжалъ съ Эльбы, высадился во Францію и провозгласилъ себя императоромъ. Какъ велико было нравственное обаяніе этого человѣка на современниковъ, можно судить изъ того, какъ его встрѣтили во Франціи. Одинъ, онъ безпрепятственно прошелъ до Парижа; высылаемыя противъ него войска, по одному его слову, переходили на его сторону. Король бѣжалъ въ Бельгію.—Наполеонъ сталъ быстро вооружаться. Александръ отправилъ противъ него большое войско; но когда русскіе прибыли на мѣсто дѣйствій, имъ уже нечего было дѣлать, а оставалось только поздравить англичанъ и пруссаковъ съ побѣдою. Дѣйствительно, англичане и пруссаки разбили Наполеона на голову при Ватерлоо. Это былъ финалъ той роковой драмы, которую, съ теченіе стольких лѣтъ, разыгрывалъ Наполеонъ на театрѣ Европы. Новый Прометей, не похитившій небеснаго огня, но желавшій охватить весь міръ пламенемъ, былъ заключенъ на голой скалѣ посреди океана, гдѣ стыдъ и оскорбленное самолюбіе, какъ злые коршуны, терзали его печень и сердце до самой смерти.

Послѣ этого, окончательнаго низложенія Наполеона, или такъ называемыхъ въ исторіи «ста дней», Александръ посвятилъ все свое время и силы мирнымъ дѣламъ Европы и отечества. Открылся рядъ конгрессовъ, на которыхъ присутствовали государи съ своими министрами. На этихъ конгрессахъ государь русскій игралъ *первую роль* и голосъ его имѣлъ рѣшающее, заключительное значеніе.

Къ этой эпохѣ относится и учрежденіе такъ называемаго «Священнаго союза». Замѣчательно, что идея этого союза и самый

трактатъ, въ которомъ выражалась эта идея, принадлежали исключительно Александру. Онъ собственноручно написалъ этотъ трактатъ и держалъ его въ такой тайнѣ, что, кромѣ Каподистріи и Стурдзы, не зналъ никто до того времени, пока Государь не предложилъ его для подписанія. «Государь, благоговѣя предъ цѣлебной и животворной мощью христіанской вѣры, говор. Александръ Скарлатовичъ Стурдза,—видѣлъ во внутреннемъ ея возстановленіи единственный залогъ мира, возрожденія и благополучія всѣхъ племенъ земныхъ, а потому создалъ трактатъ, въ силу котораго государи составили между собою Священный союзъ. Государи, подписавшіе трактатъ тотъ, обязывались какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководиться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и ихъ дѣяніями».

Къ сожалѣнію, эта высокая идея, положенная государемъ въ основу политики внутренней и внѣшней, была осуществляема добросовѣстно только имъ однимъ; политика прочихъ дипломатовъ, и въ особенности *Меттерниха*,—основаная на лжи, продолжала дѣйствовать въ такомъ же духѣ и по заключеніи Свящ. союза,—чѣмъ не мало причиняла нравственныхъ страданій доброму Государю.

V.

Разсмотрѣвъ дѣятельность государя въ отношеніи внѣшней политики, показавъ, *какъ* онъ разрѣшилъ первую задачу своего царствованія, я считаю долгомъ, для полноты очерка, разсмотрѣть его дѣятельность и въ другомъ отношеніи, показать, *какъ* онъ разрѣшилъ свою вторую задачу.

Я сказалъ въ началѣ этого очерка, что Александръ, восходя на престолъ, засталъ Россію чающею обновленія. Дѣйствительно, многое въ государственномъ механизмѣ того времени нуждалось въ починкѣ, а многое и въ совершенной отмѣнѣ; многаго недоставало: слѣдовало завести. Въ администраціи, въ судахъ—царствовалъ безпорядокъ, хаосъ; финансы, послѣ роскошнаго царствованія Екатерины и щедрости Павла, были въ разстройствѣ; народнаго образованія почти не было.

Проникнутые либеральными началами, Александръ и его сподвижники,—особенно Сперанскій, о которомъ я скажу ниже нѣсколько подробнѣе,—дружно принялись за преобразованія, за ломку стараго, за созиданіе новаго. То была пора, когда у каждаго человѣка, съ возвышенными и благородными чувствами, захватывало дыханіе отъ удовольствія и радости, когда каждый, подобно энтузіасту Гуттену, жившему въ эпоху возрожденія,—въ порывѣ восхищенія при видѣ обновленія отечества, могъ сказать: «*любо-дорого жить*». То была пора, когда,—какъ говоритъ одинъ поэтъ,—

Кругомъ земля цвѣла и на небѣ свѣтлѣло,
День майскій разсвѣталъ въ прозрачной синевѣ:
И каждый шелъ восторженно и смѣло
Съ надеждою въ груди и думой въ головѣ...
Не знали зависти: однимъ соревнованіемъ
Горѣли доблестно сердца,
И каждаго успѣхъ былъ общимъ достояньемъ,
И братьевъ озарялъ блескъ братскаго вѣнца.
Все было въ той порѣ заманчиво и ново,
Духъ свѣжій охватилъ сподвижниковъ младыхъ,
Въ народѣ отзывъ былъ на каждое ихъ слово,
Заслушивался онъ рѣчей и пѣсней ихъ...
Прекрасенъ былъ тотъ день и путь ихъ былъ прекрасенъ!

Какой-то страстный порывъ въ обновленіи ко всему лучшему, высокому сообщился, начиная съ Государя, всему обществу. Вотъ какъ лучшіе люди того времени думали и говорили: «Правда! Правда!—Она лучше всего въ мірѣ! Служеніе ей—служеніе Богу, и я молю Его, чтобы наши дѣти во всю свою жизнь были ея обожателями, исповѣдниками, а буде нужно и страдальцами» (Блудовъ). «Жить, писалъ Карамзинъ Тургеневу,—есть не писать исторіи, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать, дѣйствовать, любить добро, возвышаться душой къ его источнику; все другое, любезнѣйшій мой пріятель, есть шелуха, не исключая и моихъ восьми или девяти томовъ исторіи; чѣмъ далѣе

живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея... Любите добро, а что есть добро—спрашивайте у совѣсти». «Помнишь ли, писалъ Жуковскій Тургеневу,—помнишь ли, что говоритъ Миллеръ?—lesen ist nichts, lesen und denken—Alles; lesen, denken und fühlen—die Volkommenheit. Поставь на мѣсто lesen,—leben». Этотъ общій порывъ къ обновленію выразился въ литературѣ свѣтской и духовной; открылись литературныя общества и кружки; явился Карамзинъ съ своей исторіей и съ своимъ слогомъ, съ одной стороны; явился и Филаретъ съ своимъ слогомъ—съ другой; явился и «пѣвецъ» въ станѣ русскихъ воиновъ съ меланхолической лирой—Жуковскій, и Пушкинъ съ своимъ бойкимъ и гибкимъ, какъ сталь, стихомъ,—словомъ, блестящіе плеяды ученыхъ, поэтовъ, дипломатовъ, іерарховъ, полководцевъ озарили собою эту эпоху, эпоху обновленія, и положили зародышъ всему тому, что отчасти видимъ нынѣ.

Государь началъ съ народнаго образованія; главныя и малыя училища, которыя повелѣла устроить Великая Екатерина въ городахъ, въ послѣднее время, числились только на бумагѣ. Государь рѣшился не только создать ихъ для Россіи, но и дать, по возможности, прочно-порядочное устройство. Всѣ учебныя заведенія были раздѣлены на четыре разряда; училища каждаго разряда (и это составляетъ основу новыхъ уставовъ и ихъ естественную особенность) приготовляли къ переходу въ слѣдующій за нимъ высшій разрядъ: приходскія училища предполагалось учредить, гдѣ только представится возможность, по крайней мѣрѣ—по одному въ каждомъ приходѣ; уѣздныя намѣревались открыть по одному въ каждомъ уѣздѣ; гимназіи (преобразованныя изъ *главныхъ* народныхъ училищъ), въ каждомъ губернскомъ городѣ и, наконецъ, университеты въ каждомъ учебномъ округѣ. Общій надзоръ за всѣми учебными заведеніями въ государствѣ и завѣдываніе ими были возложены, до учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, на главное управленіе училищъ, котораго члены, въ званіи попечителей (кураторовъ), управляли непосредственно каждый особымъ учебнымъ округомъ; каждый университетъ завѣдывалъ всею учебною частью соотвѣтствующаго ему округа; въ каждой губерніи эта обязанность возлагалась на деректора

мѣстной гимназіи и въ каждомъ уѣздѣ на смотрителя уѣзднаго училища.

Приходскія училища въ казенныхъ селахъ ввѣрялись попеченію приходскаго священника и одного изъ почетнѣйшихъ жителей; въ помѣщичьихъ селахъ—попеченію самого владѣльца. Такимъ образомъ образованіе народа ввѣрялось духовенству,—такъ какъ Государь съ довѣріемъ и почтеніемъ относился къ этому сословію. Духовенство, дѣйствительно, во многихъ мѣстностяхъ, отнеслось съ усердіемъ къ этой трудной для него, но прекрасной задачѣ, и стало удѣлять, для ея выполненія не только личные труды, но и денежныя пожертвованія; примѣромъ тому можетъ служить слѣдующее: въ одной лишь новгородской губерніи открыто было духовенствомъ въ 1806 г. не менѣе 110 сельскихъ школъ,—число, въ то время, весьма значительное.

Вотъ перечень вновь открытыхъ высшихъ учебныхъ заведеній: харьковскій университетъ, казанскій и петербургскій; главный педагогическій институтъ, медико-хирургическая академія (преобразована), царскосельскій лицей, ришельевскій лицей—въ Одессѣ, демидовское училище высшихъ наукъ въ Ярославлѣ, гимназія высшихъ наукъ Безбородко—въ Нѣжинѣ (Черн. губ.), лѣсной институтъ, институтъ корпуса путей сообщенія, инженерный корпусъ, артиллерійское училище, институтъ женскаго патріотическаго общества и пр.

Для того, чтобы сообщить новое направленіе умственному развитію, дать другой полетъ мысли, вывесть изъ узкихъ рамокъ схоластики,—сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія. Дозволенъ былъ впускъ иностранныхъ всякаго рода книгъ и нотъ; открыты, запечатанныя при Павлѣ, частныя типографіи и разрѣшено всѣмъ, кто пожелаетъ, заводить новыя; сняты всякія стѣснительныя мѣры для поѣздки не только внутри Россіи, но и за границу, что прежде строго запрещалось,—словомъ дана большая свобода мысли и слова, и русская наука была поставлена лицомъ къ лицу съ западной.

«Даровавъ новый блескъ и силу просвѣщенію гражданскому, Благочестивѣйшій Самодержецъ отеческимъ сердцемъ обратился и къ смиреннымъ обителямъ духовнаго просвѣщенія, въ которыхъ люди, пожертвовавшіе небесной мудрости блескомъ земнаго счастія и выгодами общежитія, посѣяли первыя сѣмена полез-

ныхъ знаній не только для Церкви, но и для отечества, и въ которыхъ юношество, по состоянію родителей, скудное въ средствахъ къ своему образованію, болѣе терпѣніемъ и неутомимостью, нежели обиліемъ пособій, приготовлялось ко служенію Церкви, въ самыхъ обыкновенныхъ степеняхъ важному» (изъ рѣчи рек. пет. ак. Филарета).—Государь повелѣлъ преобразовать духовныя училища, «чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ училищами истины», чтобы цѣлью сихъ училищъ было «внутреннее образованіе юношества къ дѣятельному христіанству.»—Составлена была коммиссія по преобразованію духовныхъ училищъ, предварительная задача которой состояла въ томъ, чтобы—а) разсмотрѣть планъ къ усовершенію духовныхъ училищъ,—б) сдѣлать предварительное исчисленіе суммъ, потребныхъ на устройство училищъ и в) назначить способы, коими суммы сіи удобнѣе составить можно. Въ составъ этой коммиссіи входили слѣдующіе члены: Амвросій, митрополитъ петербургскій, Феофилактъ, епископъ калужскій, а потомъ архіепископъ рязанскій; духовникъ Императора, протопресвитеръ Сергій Ѳеодоровичъ Краснопѣвцевъ и оберъ-священникъ Иванъ Сем. Державинъ; изъ свѣтскихъ оберъ-прокуроръ св. Синода, князь А. И. Голицинъ и государственный секретарь М. М. Сперанскій.

Прежде чѣмъ говорить, къ какимъ результатамъ пришла эта коммиссія по преобразованію дух. училищъ, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о состояніи духовныхъ училищъ до этого времени въ учебно-воспитательно-матеріальномъ отношеніи.

Всѣ духовно-учебныя заведенія XVIII вѣка и начала XIX были устроены по одному типу, начертанному въ регламентѣ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ; но, сохраняя общій типъ, онѣ, въ то же время, представляли и замѣчательное разнообразіе въ частностяхъ. Это зависѣло отъ того, что устроеніе духовно-учебныхъ заведеній, въ разныхъ епархіяхъ, поручалось исключительно епархіальнымъ архіереямъ и на епархіальныя средства. Неодинаковость вкусовъ начальства епархіальнаго и неодинаковость средствъ матеріальныхъ отразились, поэтому, и на учебныхъ заведеніяхъ; петербургскому митрополиту хотѣлось напр. ввести такое преобразованіе въ подвѣдомственныхъ ему учеб-

ныхъ заведеніяхъ, а московскому—иное: отсюда и разнообразіе въ частностяхъ; у одного архіерея было больше матеріальныхъ средствъ, а у другаго меньше: отсюда и неодинаковость въ матеріальномъ благосостояніи учебныхъ заведеній. Уставъ духовно-учебныхъ заведеній, начертанный въ регламентѣ, для своего времени, былъ пожалуй, и хорошъ, какъ первый опытъ въ этомъ отношеніи; но съ теченіемъ времени, съ перемѣною взгляда на учебно-воспитательное дѣло въ западной Европѣ, онъ, къ началу XIX вѣка, представлялъ уже и много несовершенствъ.

Курсъ наукъ, проходившихся въ тогдашнихъ семинаріяхъ, былъ слѣдующій: 1) грамматика купно съ географіей и исторіей; 2) ариѳметика и геометрія; 3) логика или діалектика; 4) риторика купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ; 5) физика, присовокупляя краткую метафизику; 6) политика краткая Пуффендорфова; 7) богословіе.—Первыя шесть по году, и богословіе два года. Языкъ греческій и еврейскій (есть ли будутъ учители) между иными ученіи урочное себѣ время пріимутъ,— замѣчаетъ авторъ устава. Нужно замѣтить, что во всей учебѣ преобладала схоластика въ крайней степени, и при томъ на латинскомъ языкѣ, въ ущербъ своему родному и греческому.

Въ воспитательной части слишкомъ ужъ большимъ значеніемъ пользовались *розги;* и хотя, въ уставѣ «для большихъ и середнихъ учениковъ»—и рекомендуется только «угрозительное слово», тѣмъ не менѣе на практикѣ и середнихъ и большихъ, т. е. философовъ и богослововъ, наказывали болѣе—чѣмъ «угрозительнымъ словомъ». Даже префектовъ, безъ благословенія которыхъ ни одинъ семинаристъ не могъ выйти изъ избы, и тѣхъ, если поноровятъ въ чемъ семинаристу, дозволялось «бить гораздо.» «Фискальство» т. е. шпіонство—эта нравственная язва въ учебныхъ заведеніяхъ, продуктъ іезуитизма, авторизовалось, какъ нѣчто естественное, законное. Замкнутость этихъ заведеній была невѣроятная: не дозволялось напр. раньше двухъ лѣтъ, послѣ поступленія въ семинарію, отпускать куда либо изъ Семинаріума, пока «семинаристъ не ощутитъ знатной пользы воспитанія». Ректору предоставлялась слишкомъ большая власть и—значеніе. Самый семинарскій домъ, по регламенту, слѣдовало строить «образомъ монастыря».

Необезпеченность духовно-учебныхъ заведеній въ матеріальномъ отношеніи, случайность этихъ матеріальныхъ средствъ, сильно сказывались на общемъ строѣ всего дѣла,—особенно это нужно сказать объ учебныхъ заведеніяхъ со временъ Императрицы Екатерины, когда были отчуждены церковныя имущества, и когда взамѣнъ ихъ даны были духовенству средства, весьма неудовлетворительныя. Если бы можно было воскресить Діогена и привесть его въ тогдашнія бурсы, право не было бы ничего удивительнаго, если бы этотъ философъ, взглянувъ на внѣшнюю обстановку семинаристовъ, на ихъ образъ жизни и манеры —загасилъ свой фонарь и изъявилъ бы желаніе остаться здѣсь навсегда.

Эта необезпеченность въ матеріальномъ отношеніи, эта неудовлетворительность учебно-воспитательной части духовно-учебныхъ заведеній, и заставила добраго Государя обратить свое вниманіе на духовныя училища.

«Разсматривая различныя измѣненія, произведенныя въ разныя времена въ образѣ ученія и управленія въ духовныхъ училищахъ, коммиссія нашла, что духовныя училища, устрояемыя отдѣльно и безъ общихъ правилъ, *не имѣютъ ни общаго систематическаго образованія, ни полнаго устава, ни точной связи ихъ управленія съ академіями,* хотя все это давно признавалось для нихъ нужнымъ. Введеніе въ училищахъ латинской словесности, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи и принесло имъ пользу, но *исключительное въ ней упражненіе* было причиною того, что во многихъ изъ нихъ изученіе греческой и славянской литературы, столько необходимое для нашей Церкви, мало по малу ослабѣвало и, не смотря на мѣры, предпринятыя къ возстановленію его, не во всѣхъ семинаріяхъ находятся въ надлежащей силѣ и дѣйствіи и пр. Посему «сообразно съ главною цѣлію учрежденія духовныхъ училищъ, которая состоитъ въ основательномъ и твердомъ обученіи предметамъ, къ духовному званію принадлежащимъ,—коммиссія постановила, что, «всѣ науки, въ училищахъ сихъ преподаваемыя, должны относиться къ сему роду ученія и открывать во всемъ пространствѣ истинные его источники». Слѣдовательно, *изученіе древнихъ языковъ и наипаче греческаго и латинскаго, основательное познаніе языка славянскаго и славено-россійскаго,* познаніе древней *исторіи*

и *особливо священной и церковной,* познаніе лучшихъ образцовъ *духовной словесности* и, наконецъ, *ученіе богословское во всѣхъ его отдѣленіяхъ, должны занимать преимущественно сіи училища*».

«Духовныя училища должны имѣть *особое управленіе,* не зависимое отъ гражданскихъ училищъ. Разность ихъ установленія, предметы ученія и самый образъ воспитанія юношества, церкви посвященнаго, дѣлаютъ сіе различіе необходимымъ».

«Управленіе духовныхъ училищъ, нисходя отъ одного средоточія къ окружнымъ академіямъ, для наблюденія единства и связи, должно обнимать всѣ роды духовныхъ училищъ. *Это единственный способъ сохранить въ немъ единообразіе и порядокъ*».

«Сообразно съ сими общими началами и *примѣняясь къ общему плану народнаго просвѣщенія,* духовныя училища полагаются четырехъ родовъ: 1) академіи; 2) семинаріи; 3) училища уѣздныя и 4) приходскія».

Таковы были общія начала, на которыхъ совершалось преобразованіе духовныхъ училищъ въ александровскую эпоху.

Что касается второго и третьяго пунктовъ, предложенныхъ комиссіи для обсужденія и рѣшенія, т. е. объ изысканіи матеріальныхъ средствъ, которыя обезпечивали бы тѣ духовныя училища, то комиссія рѣшила эти вопросы слѣдующимъ образомъ. Изъ двухъ проектовъ, по этимъ вопросамъ, представленныхъ въ комиссію, признанъ былъ болѣе цѣлесообразнымъ и полезнымъ проектъ преосв. Амвросія, Ѳеофилакта и Сперанскаго, по которому источникомъ для содержанія духовныхъ училищъ предлагались свѣчныя суммы, вырученныя отъ продажи церковныхъ свѣчъ *въ розницу и счетомъ.* Возстановленіе этого права по исчисленію комиссіи, могло дать до трехъ милліоновъ ассигнаціями—на каждый годъ. Открытый источникъ могъ, въ извѣстной степени, обезпечить духовныя училища.

Сдѣланнаго комиссіей, на первый разъ, было весьма и весьма достаточно. Духовныя училища, послѣ этой реформы, пришли далеко въ лучшій видъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ отношеніяхъ.

Когда составленный проектъ преобразованіи духовныхъ училищъ былъ утвержденъ Государемъ, и св. Синодъ, «въ чувствѣ признательности къ Вѣнценосцу, покровителю Церкви,

принесъ, чрезъ митрополита Амвросія, всеподданнѣйшую благодарность отъ лица всей россійской Церкви, Государь Императоръ, изъявивъ въ милостивыхъ выраженіяхъ Монаршее попеченіе о наукахъ и желаніе видѣть ихъ въ отечествѣ возвышенными, соизволилъ сужденіе свое заключить сими достозамѣчательными для духовенства, словами: «*Я, предоставя выгоды для духовныхъ училищъ, имѣю въ виду то удовольствіе, что сіи и при распространеніи общенароднаго просвѣщенія, всегда будутъ стараться идти, по прежнему, впереди.*»

VI.

Заботясь о просвѣщеніи своего народа, отъ низшихъ до высшихъ слоевъ, Александръ Благословенный не переставалъ также заботиться и о другихъ сторонахъ благостоянія народнаго. Мысль о крестьянахъ, о бѣдномъ труженникѣ-народѣ, всегда занимала Государя. Онъ смотрѣлъ на «крѣпостничество» какъ на ненормальное явленіе въ обществѣ и всѣми силами своей доброй души старался, если не совершенно уничтожить это явленіе,—что было трудно и почти невозможно для того времени,—то, по крайней мѣрѣ, ослабить его дѣйствіе. «Ежедневно почти,—писалъ онъ,—доходятъ ко мнѣ жалобы крестьянъ на притѣсненія отъ помѣщиковъ, и особенныя слѣдствія по жалобамъ симъ, на самыхъ мѣстахъ произведенныя, открываютъ, что нѣкоторые изъ помѣщиковъ, забывъ страхъ Божій, собственную честь и обязанности человѣчества, съ крестьянами своими поступаютъ столь жестоко и безчеловѣчно, что не только исторгаютъ изъ нихъ насиліемъ малую ихъ собственность, отягощаютъ ихъ непомѣрными работами и налогами, но и позволяютъ себѣ разнаго рода дѣлать имъ истязанія, и людей, врученныхъ имъ отъ Бога и самодержавной власти для взаимной связи, порядка управленія, употребляютъ подобно безсловеснымъ, муча ихъ непомѣрными наказаніями, содержа въ тяжкихъ заклепахъ, истаевая гладомъ, и въ утонченной свирѣпости вымышляя разныя на нихъ казни». Вслѣдствіе всего этого, Государь предписалъ начальникамъ губерній имѣть строгій надзоръ за таковыми помѣщиками и доносить обо всемъ, съ ихъ стороны преступномъ, самому Государю.—Когда одно высокопо-

ставленное лицо обратилось съ просьбой къ Государю получить въ даръ имѣніе, Государь, возмущенный тѣмъ, что узналъ о крестьянахъ и помѣщикахъ, такъ отвѣчалъ на его просьбу: «большая часть крестьянъ въ Россіи—рабы; считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и поэтому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность». И дѣйствительно, во все время своего царствованія онъ не отступалъ отъ этого правила.

Указъ 20 февраля 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ составляетъ первое практическое проявленіе уничтоженія крѣпостнаго права, что было любимою, задушевною мыслью Александра I, и что пришлось осуществить только Александру II.

Не менѣе участи крестьянъ озабочивала Александра и участь солдатъ, которые, вслѣдствіе нѣмецкой дисциплины введенной у насъ Павломъ, подвергались отъ своихъ начальниковъ жестокимъ наказаніямъ. «Доходитъ до моего свѣдѣнія,—писалъ человѣколюбивый Государь, что во многихъ полкахъ, при обученіи солдатъ и рекрутъ экзерциціи, наказываютъ ихъ съ такою строгостью, какую употреблять должны вслучаѣ важныхъ только преступленій... *Движимъ будучи чувствованіями сострадапія къ сему толико заслуживающему о себѣ попеченія классу людей...* рекомендую офицерамъ высшимъ и низшимъ, имѣть рачительное попеченіе о солдатахъ и обращаться съ ними болѣе гуманно».

Любя болѣе свободу, чѣмъ рабство и тиранію, Благословенный старался всюду и со всѣхъ сбросить стѣснительные оковы и ввести духъ свободы. Такъ онъ отмѣнилъ повинности и всѣ запретительныя правила, стѣснявшія сельскую промышленность, возстановилъ во всемъ пространствѣ Грамоту, дарованную городамъ Екатериною II, въ силу которой города получали самоуправленіе; отмѣнилъ тѣлесное наказаніе для дворянъ и гильдійскихъ гражданъ; возстановилъ законъ, избавляющій священниковъ и діаконовъ отъ тѣлеснаго наказанія и пр. и пр. Все это не могло не подѣйствовать на духъ народа, на болѣе глубокое сознаніе народомъ своей человѣчности, своихъ правъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ—и облагороженіе его.

Вообще, Александръ былъ *государь-народолюбецъ*, попечительный отецъ для своихъ подданныхъ. Чтобы видѣть собственными глазами состояніе народа, его жизнь и нужды, онъ предпринималъ большія поѣздки по всей Россіи, во всѣ концы. Въ теченіе своей жизни, онъ на однихъ перекладныхъ проѣздилъ болѣе *двухсотъ тысячъ верстъ*. Удивляться ли послѣ этого, что народъ его обожалъ, что онъ оплакивалъ его смерть, какъ смерть роднаго отца, что и имя «Бѣлаго Царя Александра» онъ внесъ и въ свои, хотя безъискуственныя, но сердечныя— пѣсни.

Относясь къ своимъ вѣрноподданнымъ, единовѣрнымъ съ нимъ, въ духѣ мира, любви и свободы, онъ не измѣнилъ себя и въ отношеніяхъ къ тѣмъ несчастнымъ, которые въ силу историческаго недоразумѣнія, отпали отъ общенія съ православною Церковью, и въ своемъ ослѣпленіи дерзали и дерзаютъ порицать не только свою бывшую матерь—Церковь, но и Богомъ установленную власть. Его снисхожденіе къ заблуждающимся,—его взглядъ на обращеніе ихъ въ лоно православія— съ высшей степени замѣчательны, не только для того времени, но и для нашего. «И разумомъ и опытами давно уже дознано, писалъ онъ, что умственныя заблужденія простаго народа, преніями и нарядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по малу изглаждаются и исчезаютъ. *Увѣщанія должны сами собою и неприміьтно изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства*, а чтобы все сіе имѣло болѣе дѣйствія и чтобъ они лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно бы было дать имъ самимъ примѣтить, что оно о нихъ печется. Просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра Церкви жестокими и суровыми средствами?» Таковъ былъ взглядъ Александра на раскольниковъ и на миссію духовенства относительно раскольниковъ.

Среди всѣхъ этихъ заботъ, Государь не выпускалъ изъ виду главнаго дѣла. Сюда относится преобразованіе государственнаго управленія на новыхъ началахъ. Еще въ первые годы своего царствованія, онъ учредилъ, на мѣсто петровскихъ коллегій, *министерства;* но на первый разъ они, какъ и всякое

новое учрежденіе, были не вполнѣ совершенны, носили на себѣ печать незаконченности. Только съ теченіемъ времени, при содѣйствіи Сперанскаго, имъ приданъ былъ тотъ видъ, въ которомъ они, за малыми измѣненіями, существуютъ и до настоящаго времени. Преобразованіе и улучшеніе ихъ состояло въ томъ, что точнѣе были разграничены различныя отрасли управленія. Такъ наприм., для улучшенія и развитія путей сообщенія, открыто было особое министерство; министерство коммерціи было уничтожено, а дѣла его были отнесены къ министерству финансовъ. Кромѣ этого подробно былъ опредѣленъ кругъ дѣятельности каждаго министерства, порядокъ производства дѣлъ, степень власти разныхъ чиновъ и пр.

Какъ вѣнецъ всего государственнаго зданія, былъ учежденъ *государственный Совѣтъ,* составленный изъ высшихъ сановниковъ Имперіи; онъ получилъ по преимуществу характеръ законодательный и раздѣленъ былъ, сообразно разнымъ отраслямъ дѣлъ, на четыре департамента: 1) законовъ, 2) военныхъ дѣлъ, 3) дѣлъ гражданскихъ и духовыхъ и 4) государственной экономіи. Въ немъ должны были обсуждаться всѣ законы и другія важнѣйшія дѣла и чрезъ него представляться на утвержденіе верховной власти. Въ немъ должны были также разсматриваться отчеты министровъ. Эти отчеты должны были быть сообщаемы обществу чрезъ припечатаніе ихъ въ особой, для сего основанной правительствомъ, газетѣ.

Открывая государственный Совѣтъ, 1 января 1810 г., Государь произнесъ многозначительную рѣчь, въ которой вообще высказалъ свой взглядъ на дѣло преобразованія Россіи и на то, чего онъ желалъ достигнуть своими преобразованіями; онъ говорилъ между прочимъ: «среди всѣхъ заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ постановленіяхъ никогда меня не оставляла. *Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ не подвиженъ на установленіяхъ.* Я считаю всѣ минуты моей жизни потерянными для блага Россіи, въ коей войною или внѣшними препятствіями намѣренія мои отвлекались отъ сей великой цѣли. Я чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка съ тою же живостью, съ коею обыкъ я любить и всему пред-

почитать пользы отечества. Наконецъ Всевышній благословилъ мои желанія. Въ сей день, съ началомъ новаго года, *Я имѣю удовольствіе положить твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ постановленій.* Государственный Совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу Имперіи принадлежащихъ... Уповаю на васъ и благословеніе Всевышняго; *мой долгъ будетъ раздѣлять труды ваши и искать одной славы, для сердца моего чувствительной, чтобы нѣкогда, въ позднихъ временахъ, когда меня уже не будетъ, истинные сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при мнѣ, моимъ искреннимъ желаніемъ блага Россіи.*»

VII.

Говоря о всѣхъ реформахъ Александра Благословеннаго, можемъ ли забыть того, кто былъ правою рукою и правымъ глазомъ Государя въ этомъ дѣлѣ; можемъ ли забыть человѣка, имя котораго тѣсно связано съ славою Александра; человѣка, который былъ другомъ Александра; человѣка, для котораго «цвѣтущее состояніе отечества и благополучіе русскаго народа»—составляло цѣль жизни,—которымъ гордится вся Россія, который возвысилъ и облагородилъ духовное званіе:—я говорю о *Михаилѣ Михайловичѣ Сперанскомъ.* Поминая нынѣ Александра и его дѣла на пользу отечества, не умалимъ ли славы, если пройдемъ молчаніемъ о Михайлѣ Михайловичѣ?—Помянемъ же и его здѣсь добрымъ словомъ; пожертвуемъ *мѣрностью* рѣчи пользамъ нашего духа: воспоминаніе о немъ, о его доброй душѣ, освѣжитъ и ободритъ нашъ духъ и, можетъ статься, нѣкоторыхъ и «поощритъ къ подражанію».

Бѣдный семинаристъ, сынъ священника владимірской губерніи, Мих. Михайловичъ Сперанскій, впослѣдствіи графъ и андреевскій кавалеръ, содружебникъ двухъ славныхъ и могущественныхъ государей,—достигъ такого высокого положенія, благодаря исключительно своимъ личнымъ качествамъ. Еще на школьной скамьѣ, въ семинаріи, Сперанскій обнаружилъ свои необыкновенныя способности. Товарищи его прозвали «Спасовы

Очи», потому что онъ все зналъ, все видѣлъ, по ихъ мнѣнію; дѣтскій инстинктъ, весьма часто удачно угадывающій самыя сокровенныя стороны человѣка и удачно опредѣляющій ихъ въ прозвищахъ, явленіи столь обыкновенномъ во всякой школѣ,—не ошибся и въ данномъ случаѣ. Умъ Сперанскаго былъ умъ недюжинный и съ каждымъ днемъ развертывался все больше и больше. На шестнадцатомъ году онъ уже въ присутствіи владыки, въ церкви св. Иліи, какъ отмѣчаетъ самъ въ своемъ дневникѣ, говорилъ проповѣдь и, какъ надо полагать не первую,—явленіе безпримѣрное. Благообразная наружность, даръ слова, пріятный голосъ, счастливая память, живое воображеніе, тонкій, всеобъемлющій умъ, жадная любознательность, неутомимое прилежаніе, характеръ мягкій—-симпатичный,—вотъ достоинства, съ которыми онъ выступилъ изъ школы въ жизнь. Любознательность принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ его характера. Только что вышелъ изъ семинаріи, онъ принялся за изученіе французскаго языка и овладѣлъ имъ въ совершенствѣ, что и принесло ему пользу въ высшемъ кругу. Женясь на англичанкѣ, онъ изучилъ англійскій языкъ. Въ Перми, куда удаленъ былъ на время,—онъ занимался нѣмецкимъ и еврейскимъ языками; по-латыни онъ умѣлъ говорить, какъ и всѣ старые семинаристы. По-гречески читалъ свободно и извѣщеніе о сибирскомъ генералъ-губрнаторствѣ застало его за Ѳукидидомъ.

Ѳому Кемпійскаго онъ переводилъ въ день по страницѣ, вмѣсто молитвы; изучалъ отцевъ церкви; съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдилъ за судьбами русской словесности и проч.

Внезапное, безпримѣрное возвышеніе не возгордило его нисколько. Въ самый блистательный періодъ своей жизни, Сперанскій оставался однимъ и тѣмъ же. Въ кабинетѣ его висѣлъ всегда на самомъ почетномъ мѣстѣ портретъ матери его, деревенской попадьи, повязанной платочкомъ. Всѣ его родные, попы и дьяконы, дьячки и пономари, просфирни получали во всю жизнь отъ него пособіе, удовлетвореніе ихъ просьбамъ, и имѣли всегда свободный къ нему доступъ, родственныя чувства слышатся во всѣхъ его пріемахъ и письмахъ, и онъ никогда не забывалъ своего происхожденія. Во всѣхъ отношеніяхъ съ людьми Сперанскій соблюдалъ совершенную простоту и притомъ не дѣлалъ различія между знатными и вельможами, князьями, графами,

богатыми купцами и прачкой Маврой Тихоновной, мывшей ему бѣлье, когда онъ былъ еще бѣднымъ семинаристомъ, и камердинеромъ Иваномъ Лозковымъ, съ которымъ дѣлилъ и радость и горе, когда служилъ домашнимъ секратаремъ у князя Куракина. Сперанскій былъ человѣкъ добрый въ полномъ смыслѣ этого слова, добрый вообще къ людямъ, добрый и въ частности къ тому или другому человѣку, *гуманный*, какъ говорятъ нынѣ. Несчастія свои Сперанскій переносилъ съ терпѣніемъ и великодушіемъ: онъ былъ глубоко-религіозенъ и преданный сынъ Церкви. «Мысль, когда приду и явлюсь лицу Божію вездѣ и всегда со мною»—писалъ онъ однажды своему другу.

Этотъ-то Сперанскій, изъ префектовъ александроневской семинаріи, попавши случайно въ домашніе секретари къ князю Куракину, генералъ-прокурору, перебывавшій на службѣ у многихъ генералъ-прокуроровъ, не смотря на всю шаткость своего положенія на этомъ скользкомъ поприщѣ, удержался не только на своемъ мѣстѣ, но еще въ царствованіе даже Павла, въ какихъ нибудь шесть—семь лѣтъ, достигъ чина статскаго совѣтника и званіе кавалера разныхъ орденовъ,—возвышеніе необыкновенное!—Это случилось такъ потому, что его геній и трудолюбіе были ничѣмъ незамѣнимы.

Попавъ къ Трощинскому, человѣку умному, но не получившему систематическаго образованія, Сперанскій сдѣлался для него необходимымъ человѣкомъ. Во время болѣзни Трощинскаго, повторявшейся весьма часто, Сперанскій, въ качествѣ его секретаря, сталъ являться къ Государю съ докладами. Умный, добрый и проницательный Государь сразу понялъ и оцѣнилъ геніальнаго секретаря Трощинскаго и съ полною довѣренностью приблизилъ къ себѣ. Онъ облекъ его сначала совѣщательною властью: никакого управленія онъ не отдалъ ему въ руки; но при себѣ, въ кабинетѣ своемъ, давалъ ему голосъ по всѣмъ частямъ управленія. Энциклопедическія свойства ума его были призваны на поприще ему именно болѣе всего сподручное и приличное. Онъ также могъ быть министромъ финансовъ, министромъ народнаго просвѣщенія, какъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Вездѣ, и тутъ и тамъ, былъ бы онъ на мѣстѣ и, болѣе или менѣе, отличался бы своею служебною дѣятельностію. Вскорѣ этотъ *голосъ келейный* возобладалъ надъ всѣми другими голосами. Не

имѣя министерства, ему присвоеннаго, не будучи министромъ Сперанскій былъ то, что въ старину называли первымъ министромъ «Всякій разъ, когда Сперанскій выходилъ отъ Государя въ залу общаго собранія, говор. Дмитріевъ, его современникъ,—нѣкоторые члены обступали его съ шептаніемъ, отбивая одинъ отъ другаго, между тѣмъ, какъ многіе изъ нихъ въ безмолвіи обращались къ нему, какъ подсолнечники къ солнцу, и домогались ласковаго его взгляда». Сперанскій сдѣлался необходимымъ государю; онъ бралъ его съ собою даже и тогда, когда ѣздилъ на свиданіе съ Наполеономъ въ Эрфуртъ.

Сперанскій всѣми силами души своей привязался къ Государю и, для него и отечества, не щадилъ ни силъ своихъ, ни здоровья. Его труды невѣроятны: онъ работалъ съ неистовствомъ. По семнадцати часовъ въ день сидѣлъ онъ за своимъ письменнымъ столомъ и неестественнымъ образомъ жизни разстроилъ свой организмъ до такой степени, что желудокъ у него не могъ варить безъ возбудительныхъ средствъ, спина не могла разгибаться. Высокое чувство творчества, высокая цѣль преобразованія, къ которой онъ призванъ былъ Государемъ, цвѣтущее состояніе отечества, благополучіе русскаго народа, сознаніе своего участія въ такомъ великомъ дѣлѣ давали ему силу, подкрѣпляли среди неимовѣрныхъ трудовъ. Начальствуя вторымъ отдѣленіемъ канцеляріи Его Величества,—въ эпоху уже Николая,—онъ совершилъ два колоссальные труда, дающіе ему, кромѣ проектовъ о всеобщемъ преобразованіи въ царствованіе Александра, неоспоримое право на высокое мѣсто въ исторіи русскаго законодательства: это собраніе законовъ Россійской имперіи въ 45 квартантахъ и сводъ законовъ въ 15 томахъ. Въ этомъ трудѣ, «ни одна строка, по свидѣтельству барона Корфа, не осталась безъ личной его провѣрки и очень часто передѣлки!»

«Не смотря, однакожъ, на такіе подвиги, честность и добрую натуру, Сперанскій какъ *поповичъ*, «parvenu», выскочка въ аристократическомъ обществѣ, не нравился многимъ и нажилъ себѣ кучу враговъ, которые успѣли оттереть его на время отъ дѣлъ. Кромѣ аристократической спѣси и презрѣнія къ поповичу, здѣсь были и другія, болѣе важныя причины. Сперанскій, другъ просвѣщенія, хотѣлъ подвинуть его въ нашемъ отечествѣ на сколько можно дальше и, съ этою цѣлью, уговорилъ Государя

издать законъ, въ силу котораго никто не имѣлъ бы права получать чины 8—5 классовъ безъ диплома объ окончанiи курса въ университетѣ, или безъ экзамена, соотвѣтствующаго университетскому курсу,—мѣра разумная и во всѣхъ отношенiяхъ полезная. Но эта мѣра вызвала взрывъ негодованiя у тѣхъ, кто привыкъ доселѣ получать мѣста высокiя въ служебной iерархiи—въ силу своей породы и связей. Народъ былъ не доволенъ на него за увеличенiе налоговъ, которые онъ считалъ необходимымъ ввести для поправленiя, разстроенныхъ войнами, финансовъ русскихъ. Въ числѣ противниковъ Сперанскаго былъ и Карамзинъ, вслѣдствiе заблужденiя не одобрявшiй реформъ его. Увлеченiе Сперанскаго наполеоновскими идеями, заключавшимися въ кодексѣ законовъ, изданныхъ Наполеономъ, а также—низкая клевета, въ эпоху двѣнадцатаго года, послужили причиной подозрѣнiя въ измѣнѣ Сперанскаго отечеству и предательствѣ Наполеону, съ которымъ будто бы онъ былъ въ сношенiяхъ. Поднялось страшное волненiе въ обществѣ и народѣ противъ Сперанскаго. Государь не принялъ клеветы и всѣмъ говорилъ: «Сперанскiй не измѣнникъ; онъ не можетъ быть измѣнникомъ»; но въ критическую минуту двѣнадцатаго года долженъ былъ, для успокоенiя общества и народа, сдѣлать уступку и отдалить его отъ себя на нѣкоторое время. «Прощайте Михайло Михайловичъ», сказалъ Государь ему грустнымъ голосомъ. Нельзя осуждать Государя за этотъ поступокъ, за то, что онъ не защитилъ своего друга. Государи должны иногда жертвовать собою и своими чувствами въ пользу высшихъ интересовъ и соображенiй политическихъ.

Сперанскiй палъ, но и въ паденiи своемъ онъ былъ великъ. Онъ мужественно переносилъ страданiя. Девять лѣтъ Сперанскiй находился въ удаленiи, и жилъ то въ Нижнемъ, то въ Перми, то въ собственномъ имѣнiи Новгородской губернiи, то въ званiи губернатора Пензы, то генералъ-губернатора Сибири. Вездѣ, тутъ и тамъ, онъ оставлялъ слѣды своей кипучей дѣятельности. Сибирь онъ преобразовалъ и въ административномъ отношенiи сдѣлалъ такою, какова она нынѣ.

Когда общественное мнѣнiе немного успокоилось, Государь снова призвалъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ и оставался до конца своей жизни,—жизни многотрудной, но за то—и многоплодной! Вѣчная ему память.

VIII.

Я бы закончилъ на этомъ свой историческій очеркъ объ Александрѣ, сказавъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ его жизни и смерти; но меня могутъ упрекнуть,— и пожалуй не безъ основанія,—въ томъ, что я уклоняюсь отъ объясненія самыхъ трудныхъ мѣстъ въ исторіи царствованія Александра. Охотно принимаю этотъ вызовъ на объясненіе и готовъ высказать свое мнѣніе и сужденіе по этимъ труднымъ вопросамъ.

Дѣятельность Александра, въ послѣдніе годы его жизни, принято называть *реакціонною* дѣятельностью, т. е. болѣе сдержанною, консервативною, чѣмъ увлекающеюся, либеральною. Съ этимъ, пожалуй можно согласиться, такъ какъ дѣйствительно, въ послѣдніе годы своего царствованія, Государь, умудренный опытностію и совершившимися событіями въ западной Европѣ, въ которыхъ онъ принималъ самое живое и непосредственное участіе, сдѣлался осторожнѣе, медлительнѣе. Но такой взглядъ Александра для многихъ кажется слишкомъ мягкимъ. Они съ своей стороны дерзаютъ говорить, что Александръ въ эти годы являлъ себя человѣкомъ, который совершенно забылъ то, что говорилъ и дѣлалъ въ молодости,—человѣкомъ, для котораго ничего не стоило зачеркнуть то, что было вписано золотыми буквами въ первыя страницы его царствованія,—человѣкомъ, который сталъ чуждаться тѣхъ либеральныхъ началъ, за которыя прежде ратовалъ,—человѣкомъ, который не давалъ ходу никакой свободной мысли и пр. Какъ на выразителя этого реакціоннаго направленія, въ царствованіе Благословеннаго, указываютъ на Аракчеева, архимандрита Фотія и др. Такіе или иные отзывы можно встрѣтить и въ журналахъ съ либеральнымъ направленіемъ и въ простой бесѣдѣ съ людьми подобной же закваски. Правда ли это?—вотъ вопросъ, который долженъ всякій себѣ задать прежде, чѣмъ принимать это на вѣру,— правда ли это? и затѣмъ обратиться къ тщательному изученію тѣхъ источниковъ, изъ коихъ почерпаются подобныя заключенія и выводы,—къ строгокритической провѣркѣ этихъ источниковъ...

Что Александръ не могъ быть такимъ, какимъ представляютъ его иные, объ этомъ кажется и излишне распространяться много. Противъ этого протестуетъ вся его жизнь, вся его исторія съ первыхъ до послѣднихъ лѣтъ. «Я не деспотъ» писалъ—и говорилъ онъ не одинъ разъ съ горечью, по поводу распускаемыхъ слуховъ его недоброжелателями. «Надобно быть на моемъ мѣстѣ, сказалъ онъ однажды, чтобы ясно представить себѣ, какая отвѣтственность лежитъ на Государѣ, чтобы понять мои чувства, когда я думаю о днѣ, когда мнѣ придется отдать отчетъ Богу въ жизни каждаго солдата».—Деспотизмъ не былъ въ его натурѣ. Всѣ лучшіе духовные инстинкты его были въ высшей степени развиты. Свойства и нрава онъ былъ мягкаго и кроткаго. *Онъ болѣе заискивалъ любви*, какъ говоритъ князь Вяземскій, *чѣмъ доискивался страха.* Личнаго властолюбія въ немъ не было. Преимуществами, присвояемыми державѣ, онъ не дорожилъ, скорѣе, и особенно въ послѣдніе годы жизни своей, онъ *властію и царствованіемъ какъ будто тяготился.* Онъ мечталъ поселиться въ какомъ нибудь «уголкѣ Европы» и провесть остальную жизнь въ скромной обстановкѣ частнаго человѣка. Духомъ онъ былъ не робокъ. Почитать его мнительнымъ относительно своей безопасности—нельзя; потому что онъ не укрывалъ себя въ дворцѣ, какъ въ неприступной твердынѣ,—не окружалъ себя вооруженными тѣлохранителями. Вездѣ могли встрѣчать его одного—на улицѣ, въ саду, за городомъ, во всѣ часы дня и ночи. Слѣдовательно *онъ за жизнь свою, за себя не боялся.* При такихъ обстоятельствахъ, при подобномъ расположеніи и настроеніи духа, спросимъ мы: что въ немъ есть такого, что давало бы право бросать тѣнь на его память? Деспоты не бываютъ съ такою спокойною, свѣтлою и чистою совѣстью. Очевидно, если мѣры, какія онъ принималъ въ послѣдніе годы своего царствованія и были иногда суровы, и если въ политикѣ онъ не былъ либераленъ, какъ въ первый годъ царствованія, то мѣры эти, значитъ, были вызваны чѣмъ либо дѣйствительно заслуживавшимъ этого, были необходимостью; слѣдовательно строго законными,—условія, которыми и можно только объяснить его спокойствіе и пренебреженіе, въ отношеніи личной безопасности, всѣми мѣрами предосторожности.

Изученіе исторіи этой эпохи приводитъ, дѣйствительно, къ такимъ, а не инымъ результатамъ.

Есть люди, которыхъ, подобно волкамъ, сколько ни корми, все въ лѣсъ смотрятъ. Есть люди, у которыхъ пустыя головы, чуждыя здравыхъ понятій, стремятся къ усвоенію только всего дурнаго, зловреднаго. Есть люди, для которыхъ религія, церковь, государство, добро, самоотверженіе, любовь,—пустыя слова. Есть люди, для которыхъ узкіе меркантильные интересы, эгоизмъ, честолюбіе—составляютъ все въ жизни. Есть люди, у которыхъ пессимистическій взглядъ на вещи, мизантропія—основные мотивы дѣятельности. Представьте себѣ, что этихъ людей, въ послѣдніе годы царствованія Александра, расплодилось на Руси такое количество, назвать которое *легіономъ* было бы мало.

Наполеонъ сказалъ однажды: «Европа занималась чтеніемъ исторіи французской революціи, но я положилъ замѣтку и закрылъ книгу. Наступитъ время, когда замѣтка выпадетъ и Европа снова обратится къ чтенію закрытой книги». Наполеонъ не ошибся относительно послѣдняго. Едва окончилась борьба съ нимъ за «права человѣчества», какъ стоглавая гидра революціи подняла снова свою голову. Тамъ и здѣсь закипѣла подспудная работа силъ революціонныхъ,—и это, замѣтьте, въ то время, когда великодушный Александръ даровалъ Европѣ конституцію, когда у себя дома онъ даровалъ такія вольности, о какихъ прежде никому не снилось. Люди безпорядка и анархіи затѣяли на мѣсто дарованнаго порядка водворить смуту, чтобы въ мутной водѣ ловить для себя рыбу. Какъ же было смотрѣть на это людямъ порядка, блюстителямъ мира, тишины и благоденствія народнаго?

Приливъ новыхъ мечтаній, понятій, совпавшій съ возвращеніемъ воронцовской арміи изъ за-границы, довелъ многихъ у насъ до горячечнаго состоянія, бреда. Освобожденіе крестьянъ, какъ основаніе и ближайшая цѣль общаго дѣла, отступило на задній планъ; рѣчи предложенія, планы,—стали смѣлѣе, необдуманнѣе. Писались уставы, сочинялись конституціи; нервическіе темпераменты договорились окончательно до преступнаго. Повѣтріе это начало распространяться все больше и больше. Образовались на югѣ и сѣверѣ два тайныхъ общества: «союзъ благоденствія» и «общество соединенныхъ словянъ». Мало этого, яви-

лись люди, которые подъ личиной библіи, благочестія, любви къ ближнимъ, и усердія къ распространенію слова Божія, стали распространять самыя зловредныя идеи противъ религіи, церкви и государства. Къ концу 1823 г. въ Россіи считалось уже такихъ обществъ до 300. Главнымъ покровителемъ этого, такъ называемаго, библейскаго общества, по невѣдѣнію, конечно,—оказался добродушный Голицынъ, оберъ-прокуроръ св. Синода. Подъ вліяніемъ Голицына и Государь сдѣлалъ ошибку. Онъ разрѣшилъ оффиціально существованіе этого общества. Пакертону, шотландцу, было разрѣшено образовать библейское общество для изданія книгъ Ветхаго и новаго Завѣта, но только для иновѣрцевъ и при томъ лишь на иностранныхъ языкахъ. Между тѣмъ стали появляться на русскомъ языкѣ такія книги, какъ «Таинство креста» и «Побѣдная пѣснь вѣры христіанской», колебавшіе ученіе соборовъ и отцовъ церкви. Особенно вредило библейскому обществу то, что членами его были по преимуществу члены масонскихъ ложъ, распространявшіе свои доктрины подъ прикрытіемъ библейскихъ обществъ. Эти члены издавали въ свѣтъ сочиненія, считавшіеся прямо враждебными ученію православной Церкви. Такъ, вскорѣ по запрещеніи и отобраніи въ 1819 году, надѣлавшей шуму книги Станкевича, подъ заглавіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца», было издано Ястребцовымъ сочиненіе, озаглавленное «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи къ внутреннему влеченію духа Христова». Сочиненіе это было признано проповѣдью «возмутительныхъ началъ противъ христіанской религіи и гражданскаго благоустройства». Многіе были вовлечены въ эти общества, конечно. по невѣдѣнію, какъ и оберъ-прокуроръ Голицынъ, мняся службу Богу приносити. Самъ Государь, какъ сказалъ выше, былъ введенъ въ заблужденіе на счетъ этихъ обществъ и ихъ цѣлей. Каково жъ должно было быть его удивленіе и негодованіе, когда ему раскрыли глаза на суть дѣла? Какъ должно было оскорбиться и страдать его доброе сердце? «Мнѣ такъ плохо помогаютъ въ осуществленіи моихъ плановъ, сказалъ онъ однажды въ порывѣ негодованія,—что у меня подъ часъ является желаніе разможжить себѣ голову объ стѣну.»

Мы уже замѣтили, что лично онъ былъ выше страха; здѣсь боялся онъ не за себя, а могъ бояться за обожаемую

имъ Россію. «Политическія повѣтрія очень прилипчивы и заразительны,—справедливо замѣчаетъ одинъ писатель. Въ такое время нужны предохранительныя мѣры и карантины. Аксіома laissez faire, laissez passer.—предоставить дѣло теченію обстоятельствъ,—можетъ быть удобно и съ пользою прилагаемо въ иныхъ случаяхъ, но не всегда и не во всѣхъ, наприм. хоть бы въ отношеніи къ огню, когда горитъ сосѣдній домъ. Мы оберегаемся отъ худыхъ и опасныхъ влеченій въ мірѣ физическомъ: противъ разлитія рѣкъ и наводненій мы устраиваемъ плотины, противъ бѣдствій отъ грозы мы застраховываемъ себя громовыми отводами, противъ засухи мы пользуемся искусственнымъ орошеніемъ, противъ излишней влажности и болотистой почвы искусственными осушеніями. Никто не порочитъ этихъ предосторожностей, никто не называетъ суетной мнительностью и слабодушіемъ этой борьбы съ природою. Почему въ одномъ нравственномъ и политическомъ мірѣ признавать предосудительными эти мѣры общественнаго сохраненія? Почему же присуждать правительство и общественныя силы къ бездѣйствію и безчувственности фатализма, даже и въ виду грядущей опасности?—Разсуждая такъ, мы конечно, будемъ далеки отъ тѣхъ верхоглядныхъ выводовъ относительно дѣятельности Александра въ послѣдніе годы царствованія, какіе дѣлаетъ наша либеральная печать и молва.

IX.

Самымъ приближеннымъ лицомъ къ Александру, въ послѣдніе годы его царствованія, былъ *графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.* Съ именемъ Аракчеева привыкли соединять какую-то темную, страшную, пожалуй чудовищную личность, что-то въ родѣ *отшельника Тристана,* знаменитаго фаворита Людовика XI. Но точно ли Аракчеевъ былъ безусловно темная личность безъ малѣйшаго проблеска свѣта? Неужели таки нѣтъ вовсе облегчающихъ обстоятельствъ, которыя могли бы умилостивить приговоръ, уже за ранѣе произнесенный надъ нимъ? Неужели нѣтъ возможности, хотя отчасти, оправдать Александра въ выборѣ и приближеніи къ себѣ такого человѣка, какой былъ Аракчеевъ?

Послушаемъ, что говоритъ князь Вяземскій, современникъ Аракчеева и Александра, человѣкъ совершенно свободныхъ мыслей и мнѣній. «Я не беру на себя защищать и безусловно отстаивать его,—говоритъ князь; я не адвокатъ. И при жизни, и при силѣ его многое мнѣ въ немъ не нравилось: многое претило понятіямъ моимъ, правиламъ, сочувствіямъ. Но у Аракчеева былъ и есть другой адвокатъ, а именно Александръ. Если онъ держалъ его при себѣ, облекалъ, почти уполномочивая, властію, то несомнѣнно потому, что признавалъ въ немъ нѣкоторыя качества, вызывавшія довѣріе его». «Александръ, продолжаетъ князь Вяземскій, при умѣ своемъ, при долгой опытности, онъ, умѣвшій оцѣнить обаяніе Сперанскаго и Каподистріо, могъ ли быть въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ человѣкомъ, по государственнымъ дѣламъ, и не догадаться, что этотъ человѣкъ посредственный и ничтожный?—Здравый смыслъ и логика отрицаютъ возможность подобныхъ противорѣчій. Ясно и очевидно, что Аракчеевъ былъ не вполнѣ тотъ, что мерещится намъ въ журнальныхъ легендахъ, которыя поются съ такою охотою на удовольствіе общественнаго суевѣрія. Александръ былъ въ данномъ случаѣ лучшимъ судьею въ этомъ дѣлѣ: предъ судомъ его слабѣютъ улики постороннихъ соглядатаевъ того, что есть, и особенно того, что было».

«Аракчеевъ не выдавалъ себя за человѣка благовоспитаннаго. Онъ любилъ хвастаться тѣмъ, что учился и образовывалъ себя на мѣдные гроши. Но въ грубой и тусклой натурѣ Аракчеева, которой вполнѣ отрицать нельзя, просвѣчивались иногда отблески теплаго и даже нѣжнаго чувства. Не знаемъ, въ какой степени любилъ онъ ощущать радость, но скорбь чувствовалъ онъ сильно и этому чувству предавался онъ съ порывомъ и съ глубокимъ постоянствомъ. Всѣ изъявленія благодарной памяти его къ почившимъ благодѣтелямъ, Павлу и Александру, носятъ отпечатокъ не только глубокой преданности, но чего-то *поэтическаго*». «Онъ не страшился суда исторіи, а главное, хотя человѣкъ и необразованный, онъ сознательно или малосознательно признавалъ и уважалъ достоинство и авторитетъ исторіи. Онъ оставилъ значительную сумму—около 100.000 р. тому, кто представитъ чрезъ *сто лѣтъ лучшую, по приговору ученыхъ, исторію царствованія Александра.*

Онъ зналъ, что въ этой исторіи найдется мѣсто и ему, хорошее-ли, дурное-ли, но неминуемо. Если бы онъ хотѣлъ задобрить и подкупить историка въ пользу свою, онъ не отложилъ бы ея появленіе на цѣлое столѣтіе. Напротивъ онъ поторопилъ бы благосклоннаго и благороднаго историка написать ее какъ можно скорѣе и при немъ, еще *заживо*. Онъ вѣровалъ въ исторію и требовалъ отдаленнаго и нелицепріятнаго историка».

Аракчеева винятъ, между прочимъ, въ способѣ показывать все съ лучшей, свѣтлой, лицевой стороны, слѣдовательно во лжи. Но если это правда, то все-таки это не исключительно аракчеевскій обычай. Не онъ выдумалъ его, а просто русскій человѣкъ: *товаръ лицемъ продается*. «Огульно, поэтому, приговаривать человѣка, заключаетъ князь Вяземскій, лишать его *весьма живота*, какъ то многіе дѣлаютъ съ Аракчеевымъ, и въ видѣ нравоученія говорить съ поэтомъ: *иди душа во адъ и буди вѣчно плѣнна*»,—конечно судъ короткій и ясный; но мы въ дѣлѣ правосудія предпочитаемъ проволочки этимъ скорымъ производствамъ дѣлъ: мы не любимъ ни гражданскихъ, ни литературныхъ шемякинскихъ расправъ и судовъ.»

Александра обвиняютъ еще въ томъ, что онъ не принялъ непосредственнаго участія въ разрѣшеніи восточнаго вопроса, что онъ ничего не сдѣлалъ въ пользу освобожденія Эллады изъ-подъ власти турокъ, что вообще относился холодно къ этому дѣлу.—Это обвиненіе болѣе чѣмъ несостоятельно. По своимъ человѣколюбивымъ и религіознымъ чувствамъ, Александръ не могъ не соболѣзновать страданіямъ единовѣрныхъ народовъ. Это онъ доказалъ въ отношеніи къ сербамъ,—напримѣръ. По заключенному въ Бухарестѣ миру (1812 г.), послѣ войны съ Турціей, которую мы вели по интригамъ Наполеона,—Государь настоялъ передъ Портой, чтобы султанъ обязался дать сербамъ внутреннее самоуправленіе и довольствоваться умѣренною данью. Карагеоргій, подъ предводительствомъ котораго сербы возстали, былъ признанъ княземъ. Сербія съ того времени начала возрождаться.

Но вѣдь политика имѣетъ свои условія и законы. Александръ, прежде всего и не безъ основанія, заподозрилъ народное греческое движеніе. Онъ не находилъ въ немъ живыхъ признаковъ самобытности; въ этомъ движеніи онъ не признавалъ

взрыва самороднаго ключа, который льетъ и пѣнится самъ собою. Ему казалось, что тутъ есть что-то поддѣлное, наносное, заимствованное. Словомъ, онъ въ этомъ возстаніи видѣлъ движеніе болѣе революціонное, пущенное со стороны, чѣмъ народное.

Съ другой стороны, Александръ греческимъ возстаніемъ былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе. По поводу революціонныхъ движеній въ разныхъ краяхъ Европы было провозглашено, что возстаніе подданныхъ противъ правительства непозволительно, что Союзъ правительствъ долженъ вмѣшиваться въ такихъ случаяхъ и уничтожать революціонное движеніе. И вотъ греки возстали противъ своего правительства, точно такъ какъ испанцы и итальянцы возставали противъ своихъ правительствъ, и если Союзъ объявилъ себя противъ возстанія, то и теперь долженъ бы объявить себя противъ грековъ, на сторонѣ султана; по крайней мѣрѣ, для избѣжанія противорѣчія, не долженъ былъ заступаться за бунтовщиковъ.—Меттернихъ, первый дипломатъ того времени, твердитъ, что греческое возстаніе есть явленіе тождественное съ революціонными движеніями Италіи и Испаніи и произведено по общему революціонному плану, чтобы повредить Священному Союзу и его охранительнымъ стремленіямъ. Графъ Каподистріо, русскій министръ и другъ Государя, какъ эллинъ, желаетъ живѣйшаго содѣйствія отъ Государя и подъ рукою распускаетъ слухи, что Государь сочувствуетъ этому движенію и такимъ образомъ компрометируетъ русское правительство въ глазахъ Европы. Въ это же самое время турки свирѣпствуютъ противъ христіанъ, оскорбляютъ и Россію. Какъ въ данномъ случаѣ дѣйствовать?—Положеніе въ высшей степени трагическое! Государь, однакоже, не бездѣйствовалъ. 3 февраля 1822 г., чрезъ своего посла въ Вѣнѣ, Татищева, онъ предлагалъ Европѣ дѣйствовать сообща на Порту, говорить языкомъ достойнымъ Европы. Затѣмъ, не много спустя, Александръ предлагалъ слѣдующую систему дѣйствій: «уладить дѣло вмѣшательствомъ европейскихъ державъ, по общему ихъ соглашенію. Если Порта не согласится допустить это вмѣшательство, надобно принудить ее къ тому силою, и русское войско готово будетъ принести въ исполненіе приговоръ конгресса по восточнымъ дѣламъ, при чемъ русскій Императоръ обязывается не думать о своихъ частныхъ выгодахъ.

Если же позволить туркамъ самимъ подавить возстаніе, *то извѣстно, какъ они воспользуются своимъ торжествомъ*, и это опозоритъ Союзъ, опозоритъ правительства предъ народами и пр.»—Но этого предложенія испугались какъ дара Данаевъ: мысль впустить русскія войска въ турецкія владѣнія, дать имъ возможность занять Константинополь,—эта мысль приводила въ трепетъ державы, заинтересованныя въ этомъ вопросѣ. Нашли и противорѣчіе въ этомъ предложеніи: «въ Италію де войско ходило противъ возмутившихся подданныхъ для возстановленія законнаго правительства, а въ Турціи войско пойдетъ противъ правительства, чтобы заставить его не очень строго поступать съ возмутившимися подданными».

Все это вмѣстѣ взятое и заставляло Александра не предпринимать ничего рѣшительнаго по собственной инициативѣ. Другого исхода изъ этой дилеммы не было безъ риска не подвергнуть себя и Россію опасности стать въ противорѣчіе съ собой и собственной политикой, а также—опасности европейской коалаціи. Выходъ изъ этой дилеммы сдѣлался возможенъ тогда, когда былъ уничтоженъ Св. Союзъ.

X.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства, какъ во внѣшней политикѣ, такъ и во внутренней, не могли не дѣйствовать разрушительнымъ образомъ на здоровье Государя, всегда впечатлительнаго и близко принимавшаго все къ сердцу. Онъ сдѣлался грустенъ и задумчивъ. Страшное наводненіе, случившееся въ Петербургѣ въ 1824 г., котораго онъ былъ непосредственнымъ очевидцемъ, потрясло его, дотолѣ крѣпкій, организмъ еще болѣе. «Нѣтъ, престолъ не мое призваніе», сказалъ онъ однажды, и сталъ серьезно думать объ отреченіи. Но *Тотъ, Кто самъ преставляетъ царей и поставляетъ, Кѣмъ царіе царствуютъ и сильные пишутъ правду*,—судилъ иначе: Богу угодно было, чтобы Александръ скончался во всѣмъ блескѣ царственнаго величія.

Здоровье Государыни Елизаветы Алексѣевны и безъ того слабое, къ 1825 г. совершенно разстроилось. Она не могла уже перенести сѣверной зимы; но за границу рѣшительно отка-

залась ѣхать, говоря, что желаетъ умереть въ Россіи. Рѣшили перезимовать на югѣ Россіи, и для этой цѣли выбрали Таганрогъ. Государь рѣшился самъ сопровождать Императрицу, чтобы лично выбрать и устроить помѣщеніе для нея.

Въ день отъѣзда, 1 сентября, Государь отправился въ Александро-Невскую Лавру отслужить молебенъ. Длинный рядъ монаховъ, встрѣтившій его у входа въ церковь, господствовавшая темнота вокругъ и ярко освѣщенная рака угодника Божія, виднѣвшаяся вдали, въ растворенныя врата, поразили его воспріимчивое воображеніе; онъ плакалъ во время молебна. Посѣтивъ на нѣсколько минутъ митрополита Серафима, зашелъ онъ къ схимнику Алексѣю, отличавшемуся подвижническою жизнію. Мрачная картина кельи, стоявшій въ ней гробъ, который служилъ постелью отшельнику, и нѣсколько сказанныхъ ему словъ оставили въ немъ еще сильнѣйшее впечатлѣніе.

Предъ выѣздомъ изъ Петербурга, Государь остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на столицу, какъ бы прощаясь съ нею. Было ли то грустное предчувствіе, навѣянное посѣщеніемъ схимника, была ль то твердая рѣшимость не возвращаться болѣе Императоромъ—кто можетъ рѣшить подобный вопросъ? Въ Таганрогѣ Государь, и всегда не любившій пышности, жилъ уже совершенно просто: «надо, чтобы переходъ къ частной жизни не былъ рѣзокъ», говорилъ онъ шутя. Вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ выбиралъ онъ мѣсто для постройки постояннаго дворца и очень былъ занятъ его распредѣленіемъ. Князю Волконскому говорилъ: «и ты выйдешь въ отставку и будешь у меня библіотекаремъ». Вообще, Государь, казалось, былъ очень веселъ; казалось, онъ нашелъ, наконецъ, тотъ уголокъ въ Европѣ, о которомъ мечталъ и гдѣ желалъ всегда поселиться.

20 октября, по любезному приглашенію князя Воронцова, онъ отправился въ Крымъ. Поѣздка эта была для него несчастна: онъ заболѣлъ лихорадкой. Въ Бахчисараѣ Государь самъ сказалъ своему доктору Вилліе, что страдаетъ лихорадкой и нѣсколько ночей дурно спалъ, а онъ не любилъ жаловаться на болѣзнь. Но тутъ же отказался отъ всѣхъ лекарствъ, не терпя, такъ называемой имъ латинской кухни, и несмотря на убѣжденіе Вилліе, остался непреклоннымъ; только поторопился воз-

вращеніемъ къ себѣ домой,; затѣмь болѣзнь все болѣе усиливалась. Замѣчательна отмѣтка Вилліе противъ 14 числа: «все идетъ дурно, хотя у него нѣтъ еще бреду. Мнѣ хотѣлось дать acide muriatique въ питьѣ, но по обыкновенію отказано: «ступай прочь!» Я заплакалъ. Замѣтивъ мои слезы, Государь сказалъ мнѣ: «подойдите любезный другъ; надѣюсь, что вы на меня за это не сердитесь. У меня свои причины такъ дѣйствовать.» Ноября 15 Вилліе отмѣчаетъ: «Какая скорбная обязанность объявить ему о близкой кончинѣ!» Императрица Елисавета Алексѣевна не отходила отъ его постели. По временамъ Государь чувствовалъ себя какъ-будто легче, или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ увѣрить въ томъ Императрицу, и лучъ надежды озарялъ ее на мгновеніе, но вскорѣ страшная дѣйствительность явилась. Вилліе и Волконскій сказали ей, что, *во всякомъ случаѣ*, желательно было бы, чтобы Государь пріобщился св. Таинъ. Императрица вздрогнула. Долго не могла она придти въ себя; наконецъ, собрала всѣ силы, чтобы самой просить Государя исполнить долгъ христіанина. «Развѣ я такъ плохъ!»— спросилъ Государь безъ малѣйшаго измѣненія и въ лицѣ и въ голосѣ. «Нѣтъ, другъ мой, отвѣчала Императрица, но отказавшись отъ всѣхъ средствъ земныхъ, испытайте небесныя». Государь очень охотно принялъ предложеніе. Пришелъ Вилліе и на вопросъ Государя: «я очень плохъ?»—не могъ отвѣчать, заливаясь слезами. Государь взялъ его руку и молча нѣсколько времени сжималъ ее. Императрицу онъ просилъ поберечь себя и нѣсколько успокоиться. Причастившись св. Таинъ, послѣ продолжительной исповѣди, онъ сказалъ Государынѣ: «я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь; благодарю сердечно».—За нѣсколько часовъ до смерти страданья нѣсколько уменьшились. Государь открылъ глаза, приказалъ знаками поднять шторы у оконъ, взглянулъ на природу и остановилъ взглядъ на Императрицѣ съ выраженіемъ полнымъ любви и благодарности; взялъ ея руку, поцѣловалъ и положилъ къ себѣ на грудь; улыбнулся князю Волконскому и эта улыбка осталась до смерти на лицѣ его. Совершенное спокойствіе, болѣе—довольство, счастіе, было разлито въ лицѣ его. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ забытье, а чрезъ нѣсколько часовъ его и не стало. Государыня закрыла

его глаза трепетными руками, еще могла подвязать ему своимъ платкомъ подбородокъ, но потомъ ее, почти безчувственную, увели въ другую комнату. Такъ не стало Великаго Государя,— Государя Благословеннаго Европой и Россіей! Было 19 ноября, 10 ч. утра. [1]).

А. Н.

[1]) *Примѣчаніе.* Очеркъ этотъ составленъ на основаніи разнообразныхъ матеріаловъ, разбросанныхъ въ историческихъ журналахъ, преимущественно въ Русскомъ Архивѣ и Русской Старинѣ. Были подъ руками монографіи и другія изслѣдованія о царствованніи Александра Благословеннаго, но только вышедшія до 1877 года.

Книги того же автора:

1) Тридцать рѣчей и три посланія.
Нью-Іоркъ. 1896 г.
2) Проповѣди.
Нью-Іоркъ. 1897 г.
3) Нѣсколько поученій и рѣчей.
Нью-Іоркъ. 1898 г.
4) Американскія проповѣди.
Симферополь. 1902 г.
5) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи (1899—1906 г.г.).
Симферополь. 1902 г.
6) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи (1901—1905 г.г.).
Симферополь.
7) Ялтинскія бесѣды и рѣчи (1905—1906 г.г.).
С.-Петербургъ.
8) Бесѣды и рѣчи.—Петербургъ.
С.-Петербургъ.
9) Варшавскія бесѣды и рѣчи (1908—1909 г.г.), вып. I.
С.-Петербургъ.
10) Варшавскія бесѣды и рѣчи (1909—1910 г.г.), вып. II.
С.-Петербургъ.
11) Варшавскія бесѣды и рѣчи (1910 г.), вып. III.
С.-Петербургъ.
12) «Изъ моего дневника въ Америкѣ» (два выпуска) (1891—1899 г.г.).
13) Варшавскія бесѣды и рѣчи (1911 г.), вып. IV.
С.-Петербургъ.
14) Императоръ Александръ Благословенный и его время (историческій очеркъ 1912 г.).
С.-Петербургъ.

